

Розалин Майлз

**ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ЭДЕМ**

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Розалин Майлз
Возвращение в Эдем

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

1984

УДК 821.111

Майлз Р.

Возвращение в Эдем / Р. Майлз — Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 1984

Стефани Харпер – самая богатая женщина Австралии. Но несметные богатства не принесли ей счастья: дважды побывав замужем и имея двоих прекрасных детей, Стефани так и не нашла «своего» человека. Ее новый муж – известный теннисист, красавец Грег Марсден. Но за его привлекательной внешностью скрывалась личина хищника, которому от Стефани нужны только ее деньги. Все время их медового месяца Грег изменял Стефани с ее лучшей подругой Джулией. Свадебное путешествие закончилось трагедией... Женщина начинает новую жизнь, чтобы отомстить бывшему мужу и подруге. И теперь у нее новое имя – Тара Уэллс.

УДК 821.111

© Майлз Р., 1984
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 1984

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	19
Глава третья	32
Глава четвертая	42
Глава пятая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Розалин Майлз

Возвращение в Эдем

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

© Eden Productions Pty Ltd, 1984

© Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

* * *

Все персонажи данного романа вымышлены, и любое сходство с реальными людьми, живыми или умершими, является чистым совпадением.

*...Увы, любовь! Для женщин искони
Нет ничего прекрасней и опасней:
На эту карту ставят жизнь они.
Что страсти обманувшейся несчастней?
Как горестны ее пустые дни!
А мечь любви – прыжка пантер ужасней!
Страшна их мечь! Но, уверяю вас,
Они страдают сами, муча нас!*

Джордж Гордон Байрон. Дон Жуан¹

---

¹ Перевод Т. Г. Гнедич. (Примеч. пер.)

Глава первая

Старик досматривал свой последний сон, когда зарево рассвета запылало над помещьем Эдем. На огромной дубовой кровати праотцов ему приснилась победа, одержать которую он стремился всю ночь, и он удовлетворенно проворчал что-то неразборчивое, крепко стиснув чью-то пригрезившуюся ладонь, державшую его руку, словно скрепляя сделку. Именно так и подобало покинуть сей суетный мир Макс Харперу, ветерану тысяч победоносных сражений с природой и стихиями, с людьми и механизмами. Постепенно дыхание его сделалось легким и спокойным. Он затих, обретя безмятежность, а черты его лица смягчились и разгладились, чего никогда не наблюдалось в жизни.

А для девушки, сидевшей у его смертного одра, кошмар только начинался. Долгие часы темноты, наполненные бархатным благоуханием, миновали, принеся вслед за собой неотвратимый прилив ужаса. Подобно высокой волне, паника полностью поглотила ее.

– Не уходи, – молила она, – не оставляй меня, пожалуйста, не уходи... – Поначалу слезы лились ручьем, и она даже испугалась, что они никогда не остановятся. Но часы скорбного ночного бдения тянулись так медленно, что она успела выплакаться, превратившись в комок боли, в котором билось раненое сердце. Словно в горячечном бреду, она искала облегчения в обращении к неподвижной фигуре, негромким шепотом что-то вопрошая, требуя и клянясь ему в безнадежной любви:

– Как же я буду жить без тебя? Без тебя мне больше не на что надеяться. Ты был для меня всем. Я тянулась к твоим улыбке и руке, а не к улыбке и руке Кейти; я страшилась твоих холодности и равнодушия; я знала твое лицо лучше своего собственного. Но я так и не успела узнать *тебя* – не уходи, не давай мне на это шанса, не уходи, когда ты так нужен мне...

Врач взглянул на часы и кивнул сиделке. Та незаметно выскользнула из комнаты, чтобы подать знак к началу последнего ритуального действия. Со всех концов необъятных просторов Северной территории Австралии на автомобилях, вездеходах, вертолетах и легких самолетах друзья, знакомые и деловые партнеры умирающего магната устремились в Эдем. Они собрались в обшитой темными дубовыми панелями библиотеке огромного каменного особняка и столпились под портретом человека, чья жизнь и труд когда-то свели их вместе, а теперь его уход лишь крепче сплотил их. Они были напряжены, но не испуганы: Макс Харпер обеспечил им будущее, так же как раньше всегда контролировал их прошлое.

Снаружи, в сгущающейся духоте пыльного полудня терпеливо ждали аборигены, собравшиеся со всех уголков овцеводческой фермы. Йови, дух, предупреждающий о приближении смерти, уже шепнул на ухо одному из их соплеменников, который оказался достаточно мудр, чтобы услышать его. И потому они пришли сюда, чтобы встретить смертный час старика и отдать почести его последней мечте. И теперь, знойным днем, они, не мигая, взирали на величественную старинную усадьбу, на самолеты, на два вертолета и на огромное количество припаркованных автомобилей, покрытых толстым слоем пыли.

На окружающий мир снизошла тишина. В небе добела раскалилось безжалостное солнце. Но даже два самых юных представителя собравшихся, братья Крис и Сэм, застыли в неподвижности. Они ждали с покорным безучастием, поскольку знали, что происходит в доме, и души их готовы были смириться с неизбежным. Благодаря вековечному единению со всеми живыми существами они безошибочно уловили тот момент, когда Макс Харпер переместился из этой жизни в бескрайние просторы вселенной, прибежище Отца Всего Сущего, дабы обрести новое воплощение после смерти.

В полутемной спальне душную неподвижность нарушало лишь частое и неглубокое дыхание крупного мужчины на кровати. И вдруг он испустил глубокий вздох, оборвавшийся коротким хрипом, – душа покинула его тело. Врач быстро шагнул вперед и высвободил тяжелую

руку мужчины из девичьей ладони. С профессиональной невозмутимостью он проверил пульс и, убедившись в его отсутствии, опустил руку покойного на постель. Встретившись глазами с безумным вопрошающим взглядом девушки, он медленно кивнул.

А она, словно в тумане, выступила вперед и, не издав ни звука, опустилась на колени перед кроватью. Взяв руку покойного в свои ладони, она покрыла ее поцелуями и на мгновение прижала к щеке, еще не просохшей от слез. Но от знакомого прикосновения шершавой мускулистой руки они потекли вновь, медленно и неудержимо. Лицо ее при этом оставалось застывшим, словно маска, – нет, она не позволит себе расплакаться навзрыд.

Спустя некоторое время она выпрямилась, поднялась на ноги и смахнула слезы. Бросив последний долгий взгляд на мужчину в постели, она направилась к двери и деревянной походкой зашагала по коридору. В окно она мельком заметила собравшуюся снаружи скорбную толпу. Одна из аборигенок вскрикнула, схватившись за голову, и затянула гортанный монотонный напев, который подхватили остальные:

– Ниннана комбеа, иннара ингуна карканиа... О Великий Дух, Отец Всего Сущего, дубы болот вздыхают и плачут, эвкалипты роняют кровавые слезы, ибо вечный мрак поглотил одно из твоих созданий...

Умиротворенная напевом, девушка справилась со своими чувствами и вошла в библиотеку. Ее появление стало тем сигналом, коего ждали собравшиеся там люди, и все разговоры немедленно стихли. Лица присутствующих обратились к ней. Каждому из этих мужчин была присуща яркая индивидуальность, выделявшая его в толпе. Но первым среди равных, несомненно, считался Билл Макмастер, директор-распорядитель компании «Харпер Майнинг» и ее филиалов. Он незамедлительно отделился от остальных и подошел к одинокой и жалкой женской фигурке, застывшей в дверях. На лице его, грубоватом и обветренном, отобразилось сострадание, когда ее маленькая ладошка утонула в его руке, и он, неразборчиво бормоча слова утешения, мягко увлек ее за собой, к гостям.

Из глубины комнаты выступила вперед Кейти, экономка Эдема, держа в руках серебряный поднос с бокалами, в которых пенилось шампанское. Подавленная и утратившая природную жизнерадостность, она не могла заставить себя взглянуть на девушку, которую знала с самого детства, и потому довольствовалась тем, что принялась молча разносить напитки. Сделав глубокий вдох, девушка с показным спокойствием обратилась к присутствующим, поднося свой бокал:

– За Макса Харпера. За моего отца. Мир праху его.

После того как все выпили, вперед выступил Билл Макмастер. Оказавшись в фокусе всеобщего внимания, он поднял свой бокал, салютуя огромному портрету Макса, который занимал центральное место в комнате, приковывая к себе взгляды всех собравшихся в библиотеке.

– За Макса Харпера! – начал он свою речь. – Этот старый тиран был чертовски хорошим боссом и славным малым. Такие, как он, встречаются по одному на миллион. То, чего он не знал о горном промысле, не стоит даже упоминания. Мы обязаны ему всем. Были и будем. То, что мы делали для него, мы сделаем и для тебя, девочка. Можешь рассчитывать на нас. До тех пор пока во главе корпорации «Харпер Майнинг» стоит тот, кто носит фамилию Харпер, все будет в порядке. Итак, ребята, давайте-ка поднимем бокалы, и на этот раз – за Стефани Харпер. Пусть она окажется достойной дочерью своего отца, и пусть «Харпер Майнинг» и дальше процветает, теперь уже во главе *с нею!*

– За Стефани Харпер! За Стеф! За Стефани! – По комнате прокатился гул приветственных возгласов.

Стефани, ошеломленная и подавленная, едва расслышала и половину добрых пожеланий. Но смысл, заключенный в них, проник в ее сознание, словно круги на воде, расходящиеся от брошенного в пруд камня. «Король умер – да здравствует королева! Королева? Где, здесь? Я – королева Эдема, где правил мой отец». Она в страхе вскинула голову. Над нею яркими крас-

ками горел портрет отца. Стефани встретила его взгляд, этот знаменитый ястребиный взгляд, и сорвалась.

– Нет! – Пронзительный крик слетел с ее губ, приводя в замешательство тех, кто оказался рядом, и до смерти перепугав ее саму. – Я не могу! Не могу! Не могу!

Дрожа всем телом, отталкивая протянутые к ней руки, она попятилась, развернулась и выбежала из особняка. Ничего не видя перед собой, словно одержимая, она устремилась к конюшне. Аборигены бесстрастно смотрели, как она безумным галопом промчалась по длинной подъездной аллее, проскочила ворота Эдема и затерялась в благословенных бескрайних просторах холмистой, поросшей невысоким кустарником местности. Только здесь она могла оставаться самой собой. Только здесь она могла дать волю своему горю. Могучий вороной жеребец уносил ее все дальше, и стук его копыт вторил биению ее разрывающегося от боли сердца. И всадница, и конь уже готовы были пасть на землю от изнурения, когда она наконец остановила скакуна посреди неведомой глуши и принялась изливать свои жалобы равнодушным небесам. Коричневый, выжженный солнцем ландшафт раскинулся от горизонта до горизонта, отчего покрытый пеной жеребец с безумными глазами и растрепанная, запыленная девушка, стоящая на стремянах пятящегося и встающего на дыбы коня, выглядели совсем крошечными. Захлебываясь слезами, она выкрикивала:

– Папа, папочка, как же ты мог... Ты ведь так мне нужен, как ты мог так поступить со мной, как ты мог оставить меня одну...

* * *

– Стефани? Стеф, ты где?

Стефани вздрогнула и вернулась к действительности. На лестнице раздались чьи-то легкие шаги, и мгновением позже в спальню вошла Джилли.

– Где ты была, Стеф? Такое впечатление, что за много миль отсюда.

– Да, действительно за много миль, причем в буквальном смысле. Я думала об Эдеме.

– Об Эдеме? – Джилли окинула взглядом роскошную спальню и заговорила с утрированным британским акцентом, имитируя дворецкого:

– Это – Харпер Мэншн, модом, особняк в Сиднее, а вовсе не загородная семейная резиденция.

– Ох, Джилли, как я рада видеть тебя! – Чувствуя, что вот-вот расплчется, Стефани обняла подругу за шею.

Джилли первой разомкнула объятия, отстранив Стефани и проницательно глядя на нее.

– Похоже, тебя срочно нужно развеселить, – мягко заметила она. – В чем дело, малышка?

– А, ни в чем, – Стефани зарделась от смущения, – просто я думала о...

Джилли проследила за ее взглядом, устремленным на увеличенную фотографию Макса, стоявшую в серебряной рамочке на прикроватном столике, и рассмеялась с ласковой насмешкой.

– Стефани Харпер, мне стыдно за тебя! В день собственной свадьбы тебе не полагается думать об отце!

– Я думаю о нем каждый день, – просто ответила Стефани.

Это была правда. Присутствие Макса и то влияние, которое он оказывал на ее нынешнюю жизнь, ощущалось сейчас столь же сильно, как и семнадцать лет назад, когда он умер. Джилли кивнула:

– Ты жила его жизнью, а не своей. Иногда мне кажется, что он просто не давал тебе расти самостоятельно. А ведь в тебе сокрыто много больше того, что ты могла продемонстрировать, когда тебе представлялся случай, – много, много больше, подружка. Быть может, именно сейчас тебе выпал первый, по-настоящему уникальный шанс!

И Джилли с озорной улыбкой подняла свой бокал шампанского.

Она была вознаграждена ответной улыбкой, появившейся на лице Стефани. «Так-то лучше, – подумала Джилли. – Если бы ты только знала, как чудесно выглядишь, когда улыбаешься, то улыбка не сходила бы с твоих губ, как у чеширского кота». Но она прекрасно знала, что не следует намекать застенчивой Стефани на ее внешний вид или поведение. Поэтому она предпочла выбрать для разговора ту единственную тему, которая заставляла Стефани буквально лучиться от радости.

– Лучше расскажи мне о своем избраннике, – начала она. – Он похож на Макса? В этом и заключается роковая причина влюбленности? Он должен являть собой нечто особенное, если сумел закрутить с тобой столь головокружительный роман.

Стефани просияла:

– Ой, Джилли, так оно и есть. Он просто чудесный. Полагаю, он и впрямь капельку похож на папу – такой же сильный и целеустремленный. Но при этом добрый и заботливый, а еще он делает меня такой счастливой...

Джилли пристально взглянула на подругу. Не было никаких сомнений в том, что Стефани говорила правду. Любовь и счастье буквально переполняли ее. Лицо ее, на котором обычно были написаны тревога и уничижительное смирение, отчего сторонние наблюдатели полагали ее дурнушкой, преобразилось. Глаза ее сияли, а губы, зачастую горестно поджатые, раскрылись в улыбке, обнажая чудесные белые зубки. «Боже мой, а ведь ты можешь быть настоящей красавицей», – подумала Джилли, испытав настоящее потрясение.

В следующий миг в душе ее зашевелился подленький червячок зависти. Растерянная и подавленная, Джилли выдавила жизнерадостную улыбку и попыталась сосредоточиться.

– Знаешь, если ты немедленно не начнешь одеваться, то ему придется ждать тебя еще целую вечность! Давай-ка я помогу тебе. – Взяв подругу за руку, Джилли подвела ее к туалетному столику и усадила перед зеркалом.

Стефани вновь зарделась, на сей раз – от удовольствия. Она тепло пожала руку подруги. Джилли всегда была очень добра к ней, еще с тех пор, когда обе они были маленькими девочками. Ей очень повезло, что у нее есть такая надежная и верная подруга. И вдруг ее осенила запоздалая мысль:

– Джилли, какой ужас! Я ведь даже не поздоровалась с тобой как следует! Как поживаешь? Как прошла поездка?

– Сейчас мы занимаемся тобой, посему для подобных разговоров у нас просто нет времени, – коротко ответила Джилли. Подойдя к кровати, она подняла лежащий на ней жакет. Сшитый из плотного атласа крученой пряжи сине-лилового цвета, он подчеркивал цвет глаз Стефани и облегал ее стройную фигурку. Вернувшись к туалетному столику, она помогла подруге надеть его.

– А теперь введи меня в курс дела, Стеф.

Стефани коротко рассмеялась счастливым смехом.

– И что же ты хочешь узнать?

– Все! – с драматическим надрывом воскликнула Джилли. – Бог мой, да, получив твою телеграмму, я едва не лишилась чувств. Стоило мне только отвернуться, уехав на отдых на пару недель, как *на* тебе! Ты влюбилась и снова собираешься выскочить замуж.

– Шесть недель, – поправила ее Стефани. – Я знакома с ним вот уже шесть недель.

– Давай взглянем правде в глаза – все произошло очень быстро. Стеф, ты уверена в том, что поступаешь правильно?

Стефани радостно воскликнула:

– Еще никогда в своей жизни я не была так уверена в чем-либо!

– Где ты с ним познакомилась?

– На теннисном корте, разумеется.

По губам Джилли скользнула ироничная улыбка:

– Действительно, где же еще можно встретить известного игрока в теннис? Задай глупый вопрос...

– Это был благотворительный матч, – продолжала Стефани, охваченная энтузиазмом. – Я присутствовала на нем, потому что «Харпер Майнинг» была одним из спонсоров. А по окончании матча он пригласил меня сыграть с ним гейм – чтобы расслабиться. Ты не поверишь! Он позволил мне обыграть себя! Ну разве это не чудесно?

– Похоже, уже тогда ты готова была потерять голову, – заметила Джилли, стараясь, впрочем, чтобы в голосе ее не прозвучали саркастические нотки. – Почему бы вам обоим просто не сбежать в лес? Столь шумная свадьба вам решительно ни к чему. Тебе не нужны ни я, ни кто-либо другой.

Стефани взглянула на нее в зеркало, перед которым наносила нейтральную основу под макияж, и в глазах ее отразились боль и обида:

– Джилли! Ты очень нужна мне здесь и сегодня, причем куда больше всех остальных. В кои-то веки со мной происходит нечто хорошее, и я хочу, чтобы все прошло правильно. И мне нужна твоя помощь. Действительно нужна.

– Мне не сумел бы помешать и табун диких лошадей, – заверила ее Джилли. – И уж меньше всего – эта забастовка авиалиний, случившаяся в самую последнюю минуту. К тому же Нью-Йорк окончательно мне наскучил. Я прилетела туда в неподходящее время года. Да и согласилась я на это только потому, что Филипп должен был быть там. А вот мне следовало бы быть умнее.

– А Филипп не возражал против того, что вы вернулись домой раньше времени? – Стефани с величайшей осторожностью наносила голубые тени на веки.

Выражение лица Джилли стало жестким, и по нему промелькнуло едва заметное облачко презрения:

– Моя дорогая, тебе же прекрасно известно, что Филипп никогда не возражает! Это слишком недостойно для него. Как бы там ни было, он успел сделать все свои дела. В последнюю неделю отпуска мы собирались слетать в Акапулько и попробовать затесаться среди денежных мешков. Так что выбор между этим и свадьбой года, как ее уже успели окрестить газетчики, был очевиден!

Стефани нервно улыбнулась. Ей опять потребовалась поддержка подруги.

– Да... я читала газеты. Я знаю, они пишут, – она на мгновение умолкла, а потом принялась загибать пальцы на левой руке, перечисляя обвинения, – что Грег женится на мне исключительно ради денег, чего мы, разумеется, ожидали с самого начала, и потому в этом нет ничего удивительного; что он намного младше меня; что с теннисом у него все кончено; что я – его пенсионное обеспечение; и что у него ужасная репутация в том, что касается женщин...

– А ведь так оно и есть, – негромко заметила Джилли.

– Но, Джилли, мне нет до этого никакого дела, – взорвалась Стефани. – И это поразительно. Это говорю я, женщина, которая всегда беспокоилась о том, что подумают другие. Но на этот раз я полюбила так сильно, что просто не обращаю внимания на мнение окружающих. – Она вновь отвернулась к зеркалу и недрогнувшей рукой продолжила наносить макияж, не прекращая при этом свою пламенную речь:

– Счастье само плывет мне в руки, Джилли. Он любит меня, любит по-настоящему. В некоторых ситуациях мужчина не может притворяться. – Она умолкла, промокнув салфеткой губы, покрашенные неяркой розовой помадой. – Да и, в конце концов, кто я такая, чтобы судить его? Имея за спиной два неудавшихся замужества, я нахожусь не в том положении, чтобы упрекать его в чем-либо. Ты должна помнить, что оба раза я готова была умереть. Я больше не ребенок. Мне вот-вот стукнет сорок, и сколько еще времени впереди у нас осталось?

Глядя в зеркало, Стефани заметила, что Джилли, поджав губы, отошла к приставному столику, чтобы вновь наполнить свой бокал шампанским.

– Ой, я совсем не имела в виду тебя, – поспешно добавила она. – Ты моложе меня, и, кроме того, у тебя есть Филипп. К тому же ты всегда была намного привлекательней меня, уравновешеннее и стройнее... – Она замялась и машинально принялась разглаживать свой жакет, словно для того, чтобы скрыть большую грудь, которой всегда стеснялась. Однако, набравшись мужества, она продолжила:

– Кроме того, ты всегда была красавицей и останешься таковой. Что до меня, то я сильно сомневаюсь, что принадлежу к числу тех женщин, чей внешний вид с годами становится все милее. Какими бы резонами он ни руководствовался, собираясь жениться на мне, уже за одно это я ему благодарна.

Теперь глаза Стефани затуманились тревогой, а губы плотно сжались в печальную гримаску, так хорошо знакомую Джилли. Она подошла к подруге и ласково обняла ее за поникшие плечи.

– Эй, перестань, – мягко сказала она, – а где же знаменитый бойцовский дух Харперов? Тебе чертовски не везло в жизни, но сейчас фортуна повернулась к тебе лицом, только и всего.

На лице Стефани, словно радуга на небе после дождя, вспыхнула улыбка.

– Помнишь, когда мы были маленькими девочками, то мечтали о том, как выйдем замуж за прекрасных принцев, когда вырастем. Что ж, Грег стал для меня таким принцем. На это ушло немало лет, но в конце концов он показался на моем горизонте. И его стоило так долго ждать. – Она с решительным видом обернулась к Джилли. – Я хочу его так, как никого еще не хотела в своей жизни. И я верю, что и он любит меня.

Несколько мгновений Джилли молча смотрела на подругу, а потом понимающе улыбнулась ей.

– Что ж, он, во всяком случае, разительно отличается от двух твоих предыдущих мужей, – с деланной беззаботностью заявила она. – Сначала – англичанин-аристократ, потом – американский ученый-исследователь. Умеешь ты выбирать себе спутников жизни, нечего сказать! Стефани Харпер, ты хотя бы отдаешь себе отчет в том, что тот, на ком ты остановила свой выбор, – это первый настоящий, патентованный, до мозга костей австралиец? Не то чтобы я совсем не любила достопочтенного сэра Как-его-там – но он не отличался ни стойкостью, ни выносливостью. А потом яйцеголовый янки – признай, это называется «из огня да в полымя».

Стефани недовольно нахмурилась, но потом занялась своими сережками. Крупные сапфиры чистой воды в обрамлении бриллиантов всегда были ее любимыми, но сейчас ее охватили сомнения. Достаточно ли в них синевы, чтобы смотреться с ее костюмом? Ей очень хотелось спросить, что думает по этому поводу Джилли, но та продолжала ораторствовать как ни в чем не бывало:

– Как женщина, уже неоднократно побывавшая замужем, ты по-прежнему темная лошадка. Дай подумать. Сначала ты, очертя голову, бросаешься в Англию (при этом надо учесть, что раньше ты никогда не выезжала за пределы Эдема) и возвращаешься оттуда с супругом-аристократом и новорожденной дочерью. Потом, прежде чем я успела погрузиться в семейную скуку, возникшую на седьмом году брака с Филом, ты уже развелась с этим мужем и выскочила замуж за нового – сколько, кстати, продержался отец Денниса?

– Джилли, прошу тебя, прекрати. – Стефани яростно сражалась с застежкой своего жемчужного ожерелья, и разговор этот явно не доставлял ей удовольствия. – Для меня это – начало нового, понимаешь?

Джилли с сожалением ушла от восхитительной темы прошлого Стефани. Отставив в сторону бокал, она помогла подруге застегнуть ожерелье, после чего бережно расправила премиальный пуританский кружевной воротничок на блузке Стефани.

– Значит, Бог троицу любит, да? – Она взглянула на часы. – Ну и где же он?

– Да, так и есть, Джилли, так оно и есть! – Стефани просияла. – Грег – хороший человек, поверь мне. Он тебе понравится, вот увидишь. Ты действительно *полюбишь* его.

* * *

Пока белый роллс-ройс с откидным верхом пробирался по извилистым улочкам и авеню в сторону прибрежного пригорода Сиднея Дарлинг-Пойнта, его водитель кипел холодной яростью.

– Какой идиот сподобится опоздать на собственную свадьбу? – злобно бормотал он себе под нос.

– Такой, как ты, Грег, – миролюбиво отозвался его будущий шафер. Он добрых полтора часа проторчал в квартире жениха, дожидаясь его, и теперь не видел никаких причин сдерживаться в высказываниях. – Ты хотел произвести впечатление, заставить их всех ждать – подразнить ее немножко, правильно? Ну же, признавайся. Ты не желал чувствовать себя комнатным песиком Стефани Харпер, с бантиком на шее, стоящим на задних лапках и умоляющим взять себя в мужья только потому, что она может десять раз подряд купить и продать нас всех, вместе взятых.

– Да заткнись же ты, наконец! – прошипел Грег сквозь зубы, крепко вцепившись в руль и вписывая роллс в опасный поворот. – Ушам своим не верю – сегодня день моего бракосочетания, а я выслушиваю весь этот вздор от никчемного и жалкого теннисного неудачника...

– На прошлой неделе я выиграл у тебя!

– Первый раз в жизни.

– Даст бог, не последний, приятель.

Грег погрузился в угрюмое молчание. Это была правда, причем горькая. Раньше он без труда держал в узде Лью Джексона, который был младше его на целых пять лет. Одно дело – уступить такому мастеру, как Макинрой, и совсем другое – мальчишке, который совсем недавно научился правильно держать ракетку. Влажный воздух холодными мурашками пробежался по спине Грега – его действительно начинают лихо обходить на повороте. Так что разумнее всего уйти прямо сейчас – в расцвете славы...

Его невеселые размышления прервал Лью, который все же решил, что торжествовать над женихом в день его свадьбы – не самая лучшая идея.

– Тут виновата твоя нога, а не я, – с деланным равнодушием заметил он. – Тебе чертовски не повезло с коленом, Грег.

«Или напротив – повезло невероятно», – с тайным удовлетворением подумал Грег. Ведь теперь любое поражение он может списать на травму, тогда как любая очередная победа добавляла ему славы, когда он, притворно кривясь от боли, вколачивал решающий мяч мимо своего разгромленного оппонента...

– Скулеж – это не для нас, дружище, – великодушно провозгласил он. – Оставим это англичанам. Честная и заслуженная победа. Ты – восходящая звезда. Как ты думаешь, почему я выбрал тебя в свидетели? Нам ведь не нужны утомленные сбитые летчики на свадьбе, верно? Их и так будет достаточно со стороны Стефани – например, весь совет директоров компании «Харпер Майнинг»!

Лью радостно рассмеялся и ткнул Грега в плечо. Нет, этого малого нельзя не любить – за словом в карман не лезет и всегда готов сказать что-нибудь приятное. Он исподтишка покосился на классический четкий профиль, густые светлые волосы, зачесанные назад, и сильные загорелые руки, лежащие на руле. «Господи, ни одна девчонка не сможет устоять перед Грегом Марсденом, – подумал он. – Ничего удивительного, что все фанатки от него без ума. А та маленькая француженка вспылала к нему такой страстью, что из кожи вон лезла, только чтобы заполнить его. По слухам, горячая штучка – не давала ему покоя всю ночь и весь сле-

дующий день. Ничего удивительного, что на следующий вечер он проиграл турнир... – Лью улыбнулся про себя. – Что ж, Грег вволю оторвался напоследок. В браке со Стефани Харпер едва ли он может и впредь рассчитывать на такие приключения. Нет, она, конечно, очаровательная женщина. Но не в качестве партнерши для мужчины, которому хоть сегодня можно вручать золотую медаль Олимпиады по сексу... В этом, Грег, ты меня за пояс заткнешь».

Сочетание рискованной, но уверенной езды и блестящее знание дорожной сети Сиднея позволило Грегу отчасти наверстать упущенное время. Так что на последних милях он пришел в приподнятое расположение духа и сильнее погнал большую машину вверх по обсаженной деревьями авеню к особняку Харперов. Возведенный на холме, господствовавшем над гаванью Сиднея, дворец олицетворял собой все могущество и величие Макса Харпера. Тот выстроил для себя в Сиднее внушительный белый городской особняк еще в ту пору, когда его деловые предприятия вместе с филиалами только начинали экспансию на восток из Северной территории, а сам он стал все больше внимания уделять деловой столице Австралии.

Сейчас роскошный дом, возвышающийся на берегу, считался одной из главных частных резиденций Сиднея. Со взрослыми деревьями, под сенью которых можно было обрести благословенное спасение от полуденной жары, ухоженными лужайками, сбегающими к срезу воды, и элегантными, прекрасно меблированными комнатами он стал олицетворением роскошной жизни. Грег внутренне предвкушал увидеть залитый солнечными лучами сад, широкие веранды и прохладные внутренние помещения, бокал охлажденного шампанского и уважительный прием, ожидавший его. Вот это была настоящая жизнь, и он имел на нее полное право. И не только на нее, но и на многое помимо этого. Все могло принадлежать ему, достаточно было лишь протянуть руку. Настроение его резко улучшилось.

Но оно мгновенно испарилось без следа, когда он прошел последний поворот дороги, ведущей к особняку. За воротами, помимо припаркованных мерседесов и феррари гостей, тротуар заполонила огромная толпа репортеров и газетчиков, перекрывшая собой заодно и проезжую часть. Здесь собрались все шакалы пера, с которыми Грег свел знакомство на теннисных кортах, среди них – стая хищников помельче и гарпии из глянцевого журналов. Кроме того, он заметил нескольких незнакомых ему личностей, наверняка представлявших международные новостные агентства и издательства, а также стайку стройных и загорелых фанатов, явившихся сюда устроить шумные проводы своему герою, среди которых он увидел и...

– Господи боже мой, будь я проклят! Уж не моя ли это француженка, там, в красном платье, позади толпы? – Грег покрылся холодным потом, а в груди у него с новой силой поднялась волна раздражения.

– Спокойно, Грег. – Богохульства приятеля повергли Лью в шок, и он метнул на друга предостерегающий взгляд. – Помнишь старинную австралийскую поговорку насчет прелюдии к любовным играм? Первым делом надо взять себя в руки. Не забывай, ссориться с прессой – себе дороже.

Сделав над собой усилие, Грег проглотил совет и кивнул. К тому времени как они покрыли разделявшее их расстояние, он уже справился с собой и, когда они предстали перед толпой, на губах у него играла приятная расслабленная улыбка. Роллс мягко затормозил у самых ворот, наглухо перекрытых людьми, и в следующий миг медиастервятники набросились на него.

– Вот он, – выкрикнула какая-то репортерша, проталкиваясь в первые ряды колышущейся толпы, держа наготове магнитофон. – Итак, Грег, как вы себя чувствуете, собираясь жениться на самой состоятельной женщине Австралии?

Грег удостоил ее своей самой обаятельной улыбки.

– Превосходно! – растягивая слова, процедил он.

– А мы уже начали опасаться, что вы не приедете, Грег.

– Всему виной напряженное уличное движение. Кроме того, мой свидетель заставил себя ждать.

– А почему прессу не пригласили на торжество? – прозвучал гневный возглас недовольной ищейки из международного агентства новостей.

Грег обезоруживающе пожал плечами:

– Приношу свои извинения. Я понимаю, что вы, ребята, разочарованы. Но дело в том, что Стефани хотела, чтобы на свадьбе присутствовали только члены семьи и близкие друзья. Она не настолько привычна к вниманию прессы, как я. Кроме того, я надеюсь, что она выходит замуж за меня, а не за моих поклонников. – Он с извиняющимся видом улыбнулся. «Подлизывайся и не зли их, – подумал он. – Впрочем, это нетрудно, если знаешь как».

Какой-то фотограф увлеченно снимал сверкающий белый роллс с броскими номерными знаками, на которых было начертано «TENNIS».

– Славная машинка, – с восхищением заметил он. – Свадебный подарок?

– Ага, – холодно отозвался Грег, – он самый.

Краем глаза он подметил, как к дверце машины протискивается одна из молодых табloidных стервятниц, и впервые пожалел о том, что открытый верх оставляет его уязвимым для внешнего мира и что он не может одним нажатием кнопки поднять стекло, которое закрыло бы его лицо. В следующую минуту журналистка оказалась рядом.

– Мои читатели во всем мире желают знать, – требовательным тоном начала она, – что бы вы ответили своим критикам, утверждающим, что вы женитесь на Стефани исключительно ради ее денег?

Поддача была старой и заезженной, и Грег отбил ее не моргнув глазом:

– Это нас не беспокоит. Они могут говорить все, что угодно. Главное, чтобы Стефани была счастлива со мной.

– Значит, это на самом деле – брак по любви?

– Именно так. Чего я желаю и всем присутствующим.

«Отличный ответ, Грег, – с восхищением подумал Лью. – Он действительно может включать свое очарование на полную катушку, когда хочет. Ему осталось продержаться совсем немного».

– А как насчет вашей карьеры, Грег? – подал голос один из журналистов, подвизающихся на поприще тенниса, тот самый, который следил за успехами Грега еще в ту пору, когда он был долговязым и неотесанным подростком, пришедшим на корт из ниоткуда, но обладающим силой, изяществом и неукротимым желанием победить любой ценой. – Означает ли это, что вы закончили с теннисом?

Грег сделал вид, будто уязвлен до глубины души:

– Ни в коем случае, приятель, ни в коем случае.

– Но вы должны признать, что на протяжении всего года вас преследовали проблемы с поддержанием спортивной формы. Откровенно говоря, вы были далеки от своих лучших кондиций, разве нет? Быть может, вы переусердствовали в погоне за красивой жизнью, Грег? Если вы понимаете, что я имею в виду...

Руки Грега, лежащие на руле, зачесались от желания вмазать кулаком по зубам журналистки, чтобы стереть эту его язвительную ухмылку. Однако он заставил себя сохранять спокойствие и подавил непреодолимое желание оглянуться на теннисных фанатов, чтобы убедиться, действительно ли среди них затесалась та французская штучка. Он лениво улыбнулся:

– Не стоит слепо верить всему, что пишут в газетах. Уж кому, как не вам, знать об этом, приятель.

– Значит, можно ожидать вашего возвращения?

Грег широко распахнул глаза в шутливом изумлении:

– Да я куда и не уходил!

– Значит, в следующем году вы вновь примете участие в международных теннисных турнирах? Не исключено, что мы увидим вас вновь и на Уимблдоне?

– Это зависит от Стефани, – отозвался Грег, – от того, пожелает ли она отправиться в турне. Отныне ее мнение для меня – превыше всего.

– Это ваш первый брак, Грег? – вновь подала голос настырная журналистка. Проезжая мимо, Грег бросил на нее оценивающий взгляд.

– Угу, – коротко ответил он и добавил: – И я опоздаю на свое торжество, если задержусь здесь с вами, ребята, еще хоть немного. Мне пора. Увидимся. – Он выжал сцепление, но, когда машина скользнула вперед, все же не устоял перед искушением пофлиртовать с молодой женщиной, записывающей каждое его слово на магнитофон. – А у вас отличная фигурка, – с улыбкой обронил он. – Берегите ее и ведите себя прилично. – Вполне удовлетворенный благодарным румянцем, залившим лицо репортерши, он помчался вперед по длинной извилистой аллее.

* * *

А в доме тринадцатилетний мальчишка снимал на кинокамеру череду гостей, на протяжении последнего часа нескончаемым потоком вливавшихся в сад. За тем, как он суетится, снимая все подряд с достойным похвалы энтузиазмом, несмотря на то что сноровки ему несколько недоставало, наблюдала Джилли, выйдя на балкон из главной спальни верхнего этажа. Постояв немного, она вернулась в комнату, где Стефани, уже закончив все приготовления, поправляла свои роскошные темно-русые кудри. «А он опаздывает, – подумала Джилли. – Стефани наверняка обеспокоена».

– А что дети? – обратилась она к подруге. – Как они отнеслись ко всему этому?

Стефани озабоченно нахмурилась.

– Деннис воспринял известие положительно, – задумчиво отозвалась она. – Собственно, он пришел в восторг оттого, что его новым отцом станет победитель Уимблдона. Да и Грег купил ему в подарок замечательную кинокамеру – он такой заботливый и предусмотрительный, Джилли, – так что сегодня Деннис чувствует себя как рыба в воде, он доволен и счастлив.

– А Сара? – спросила Джилли, почувствовав недосказанность.

Стефани вздохнула:

– С нею все сложнее. Пожалуй, пятнадцать лет – не самый лучший возраст для того, чтобы узнать, что твоя мать без ума влюбилась в кого-либо. – Стефани смутилась и порозовела. – Особенно в молодого мужчину.

Джилли вопросительно приподняла брови.

– Не думаю, что она простила мне разницу в возрасте между мной и Грегом.

– Она не так уж и велика, – успокаивающе заметила Джилли. – В наше время на это никто уже не обращает внимания.

– Но в пятнадцать лет подобные вещи имеют огромное значение. Кроме того, я и сама вела себя не слишком подобающим образом. Я влюбилась в него с первого взгляда. Я настолько увлеклась Грегом, что забыла о школьном концерте Сары, а у нее там была важная сольная партия. Вот уже целую вечность я не играла с нею на фортепиано и не слушала ее – в результате она ревнует, презирает его и ненавидит меня.

Стефани закрыла лицо руками, и Джилли буквально физически ощутила боль, которую испытывала подруга. Она тут же взяла дело в свои руки.

– Ты погубишь макияж, если расплачешься, Стеф. Думай о хорошем. Все образуется. Теперь, когда принц Чарльз помолвлен, ты заполучила одного из самых завидных холостяков в англосаксонском мире. Радуйся же! В конце концов, ты выходишь за него замуж не для того,

чтобы доставить *кому-то* удовольствие, не так ли? В кои-то веки подумай о себе, Стефани Харпер!

Сделав глубокий вдох, Стефани вскинула подбородок, расправила плечи и встала. Когда она обернулась к Джилли, на губах ее уже играла улыбка:

– Ты права. Я веду себя глупо. Когда придет Грег, я буду в полном порядке. Я знаю, он немного задерживается. Но он не подведет меня!

– Вот и умница!

Джилли подошла к подруге, взяла ее за руку и подвела к большому, в человеческий рост, зеркалу в дальнем конце комнаты. Женщины застыли в молчании, глядя на свои отражения. Стефани, высокая и стеснительная, склонная нервничать и смущаться, обладала тем не менее необъяснимой грацией жеребенка, скрадывавшей ее возраст, отчего выглядела скорее лет на двадцать, а не на свои сорок. И теперь, в своем изумительном бледно-голубом брючном костюме, оттенявшем цвет ее глаз, которые казались распутившимися весенними колокольчиками, она выглядела милой и привлекательной как никогда.

«Ах, если бы она только сумела довести дело до конца, – раздраженно подумала Джилли. – Она ведь не дальтоник и должна понимать, что сапфировые серьги совершенно не подходят к этому костюму, поскольку имеют не тот оттенок голубого. И, хотя она и высокого роста, уж в такой-то день ей следовало отказаться от своей практичной обуви без каблука. И почему бы ей заодно не сделать что-нибудь интересное со своими волосами, вместо того чтобы гладко зачесать их, закрепив дурацкими заколками и оставив спереди выстриженную челку. Господи, да если бы у меня были ее деньги»...

Неожиданно Джилли встретила взгляд Стефани в зеркале. Подруга одарила ее теплой, любящей улыбкой:

– Ты выглядишь замечательно, Джилли! Мне нравится твой наряд – это с Пятой авеню?

Джилли моментально ощутила угрызения совести. «Ну почему я такая стерва? – потерянно спросила она себя. – Что со мной такое?»

Ответ ее прозвучал чересчур поспешно:

– И ты тоже. Выглядишь замечательно, я имею в виду. Просто чудесно.

– Честно?

– Честно.

По лицу Стефани скользнула тень. Она явно не до конца поверила подруге и, отвернувшись, присела на кровать.

– Ох, Джилли, дело не только в детях, но и во мне тоже. Я боюсь, что не сумею удержать его и сохранить его любовь. Он ведь – знаменитость, а я – самая обычная женщина. Он – чемпион по теннису, а я – такая неумеха в том, что касается занятий спортом. Я даже не умею плавать...

– В таком случае, усади его на лошадь, дорогая, – разумно посоветовала Джилли. – Ты оставишь его без штанов. – Выдержав многозначительную паузу, она метнула на Стефани озорной взгляд. – Насколько я понимаю, именно этого ты и добиваешься?

Стефани жарко вспыхнула, но подобная смена темы явно не обескуражила ее. Очаровательно улыбнувшись, отчего на щеках ее появились ямочки, она опустила глаза, потом вскочила на ноги и выбежала в будуар, примыкавший к спальне. Спустя мгновение она вышла оттуда, держа в руках большую красивую коробку. Открыв ее, она стала рыться в складках серебристой упаковочной бумаги, после чего извлекла на свет комплект нижнего белья из черного атласа, отделанный атласными лентами и пеной кружев. Джилли наклонилась, чтобы ближе рассмотреть его поближе. Каждый предмет туалета отличался стильной утонченностью, и на каждом красовалась бирка знаменитого французского дома моды.

Смущенно рассмеявшись и покраснев от удовольствия, Стефани достала из другого комплекта пеньюар и приложила его к себе. Ткань была прозрачной до умопомрачения, а вырез –

предельно низким и соблазнительно многообещающим. Она, как девчонка, закружилась по комнате, во весь голос распевая:

– Джилли, о Джилли, как сильно я люблю его!..

– Это *он* подарил тебе?

– Ага. – Стефани утвердительно хихикнула. – Я в жизни не носила ничего подобного! Да я чувствую себя желанной и сексуальной, стоит мне только подумать об этом!

Джилли кивнула и, проведя рукой по гладкому чувственному атласу, ощутила, как где-то глубоко и в ней самой проснулось желание.

– Похоже, он – настоящий мачо. А вы, мисс Харпер, как я вижу, не теряете времени даром. Ваши отношения с ним уже перешли в разряд... интимных, не так ли? И что же ты выкинула, дабы заслужить такое подношение?

Стефани вновь густо покраснела, но от ответа на вопрос увилить не стала.

– Ничего, – с вызовом заявила она.

– Ничего? Ты хочешь сказать, что вы даже...

– Да, – решительно отрезала Стефани, хотя жаркий румянец по-прежнему горел на ее щеках. – Я хочу сказать, что между нами ничего не было. Отчасти потому, что нам просто не представилось для этого случая, когда мы были бы уверены, что за нами никто не следит и что пресса не вцепится в нас. А отчасти еще и потому, что если бы речь зашла о том, «к кому поедет – к тебе или ко мне?», то мне бы это не понравилось, к тому же я не из тех, кто готов удовлетвориться возней на заднем сиденье автомобиля, пусть даже это лимузин «Харпер Майнинг». Но главным образом потому, что после первых двух браков я хочу все сделать правильно. Я должна, Джилли, и я сделаю это, поскольку я – давно уже не невежественная девчонка, и мне хочется думать, что я нашла подходящего мужчину для женщины, что живет во мне.

Стефани умолкла, и обе женщины обменялись искренними взглядами. Джилли прекрасно понимала, *что* имеет в виду Стефани. Подруга олицетворяла собой тот самый часто встречающийся парадокс, когда в женщине, уже побывавшей замужем, продолжают дремать так и не раскрывшиеся сексуальные инстинкты.

Выросшая в Эдеме, вдали от общества, она знала единственного мужчину – своего отца. Будучи магнатом горного дела, Марк Харпер часто странствовал по миру, а Стефани оставалась одна со своими мечтами о любви. Но, по сравнению с властной натурой отца, все окружающие казались ей слабыми и жалкими. Поэтому не было ничего удивительного в том, что она увлеклась первым же мужчиной, выказавшим к ней хотя бы проблески интереса, изнеженным и избалованным отпрыском британской аристократии, с которым познакомилась во время поездки в Лондон. Но их интимная жизнь обернулась катастрофой. Весь предыдущий опыт жениха, да и его единственный интерес, говоря откровенно, был связан с мальчиками, чем и объяснялись его попытки принудить озадаченную и растерянную невесту к некоторым маневрам, которые, к счастью для ее рассудка, остались ей совершенно непонятными.

Тем не менее, оберегаемая в равной мере собственными невинностью и невежеством, Стефани продолжала боготворить своего высокого, привлекательного и эрудированного лордишку. Их брак продлился достаточно долго, чтобы в нем родилась дочь. Однако неспособность Стефани произвести на свет обязательного наследника, вкупе с осознанием того, что старый Макс вовсе не намерен тратить свое состояние на поддержку хиреющего герцогского дома, привели к тому, что английские родственники мужа окончательно разочаровались в неуклюжей и застенчивой девчонке из далекой колонии. Что касается Стефани, то, живя в серой и унылой Англии, она дошла до предела в своей тоске по родным пенатам. Душа ее жаждала чистого и искрящегося воздуха дома, свободы диких просторов Австралии и более всего отеческих объятий Эдема. Поэтому первый союз распался совершенно безболезненно, и Стефани, обремененная знаниями и опытом – хотя, увы, не сексуального характера, – вернулась домой.

По вполне понятным причинам она не стала терять времени и с головой окунулась в очередной мезальянс, будучи слишком неопытной для того, чтобы последовать совету Джилли и не спеша прицениться, прежде чем выбрать подходящий товар, не связывая себя обязательствами при его покупке. Уже через три месяца она выскочила замуж за американского ученого, принимавшего участие в программе ООН по исследованию природных ресурсов, коего на весь срок работы в рамках этой программы прикомандировали к корпорации «Харпер Майнинг». Он оказался безобидным добряком средних лет – то есть он был подобием Макса, но не имеющим власти, напора и внутренней силы покойного отца Стефани, – и секс для него имел такое же значение, как и прием ванны раз в месяц, когда он возвращался с какого-нибудь богом забытого разведочного рудника, где следы залегания полезных ископаемых, сколь бы ничтожными они ни были, интересовали его куда больше молодой жены. Джилли в глубине души считала его омерзительным и никак не могла взять в толк, как Стефани позволяет ему прикасаться к себе. Но, поскольку муж в своем постоянном отсутствии унаследовал манеру отца, то эта проблема возникала перед Стефани не слишком часто. По рассеянности профессор зачал со Стефани мальчика, которого она так и не смогла родить лорду. Но, когда его исследовательская программа подошла к концу, он благополучно вернулся обратно в США, оставив Стефани, которая, как она безбоязненно призналась Джилли, стала старше, но едва ли мудрее.

С тех пор Стефани вела тихий и неприметный образ жизни, деля свою жизнь между детьми и компанией «Харпер Майнинг». Похоже, она вполне привыкла обходиться без мужчин, чем приводила в недоумение Джилли, которая на протяжении последних десяти лет замужества искала и находила на стороне маленькие приключения, удовлетворявшие ее как женщину. И теперь, в возрасте тридцати с небольшим лет, сексуальные потребности Джилли стали сильнее и куда настоятельнее, нежели раньше, навыки и умения – богаче, а наслаждение – острее.

Неужели и Стефани наконец услышала музыку великого первородного танца? Неужели и она решилась войти в круг, пока не стало слишком поздно? Джилли с нескрываемым изумлением уставилась на женщину, которую в школе называли не иначе как мисс Чопорность. И в бесстрашном открытом взгляде, посадке головы и теплой улыбке, игравшей на губах Стефани, она увидела ответ, который искала.

– Что ж, я рада за тебя, милая, – пробормотала Джилли. – Добро пожаловать во взрослый клуб.

– Пожелай мне еще и удачи, Джилли, – порывисто воскликнула Стефани. – Я знаю, она мне понадобится. Грег... в общем, он намного опережает меня.

– Судя по виду его подарка, он готов стать твоим инструктором, – лукаво заметила Джилли. – Но на твоём месте я вела бы себя осмотрительней, Стеф. По-моему, он пытается подать тебе какой-то знак.

– Быстрее бы наступил вечер, – бесстрашно воскликнула Стефани. – Но где же он?

В следующий миг снаружи донесся легко узнаваемый рокот мощного мотора роллса, замершего у входной двери.

– Легок на помине, – сказала Джилли. – Полагаю, жених прибыл.

Глава вторая

В прохладном выбеленном холле городского особняка Харперов Билл Макмастер ждал прибытия жениха со стоическим терпением человека, которому в своей жизни довелось пережить события куда более значительные. Но к длительному ожиданию он так и не привык, оно было противно его натуре. В качестве директора-распорядителя корпорации «Харпер Майнинг» и приемного отца Стефани, коим он стал после кончины Макса Харпера, сегодня Билл исполнял свой долг и в приватном, и в профессиональном качестве. В дом он прибыл одним из первых, чтобы удостовериться, что в столь знаменательный для Стефани день все идет гладко. Но вот чего он не мог предусмотреть, так это того, что жених не появится вовремя. На его испещренном морщинами и обветренном грубоватом лице, наследии тех еще времен, когда они с Максом Харпером бродили в неведомой глуши, было написано вежливо-равнодушное выражение, пока он мило болтал с гостями, сотрудниками и коллегами. Но в душе он проклинал себя последними словами за то, что не додумался отправить лимузин Харперов, а в придачу и двух смысленных парней, чтобы забрать необязательного жениха и доставить его сюда своевременно.

Зато все остальные приготовления шли как по маслу. Прибыв на место, Билл обнаружил, что под неусыпным надзором Мейти, с незапамятных времен исполнявшего обязанности дворецкого в доме Харперов, подготовка к свадебному завтраку, прием подарков и гостей, расстановка штатных и специально нанятых ради такого случая сотрудников идет без сучка и задоринки. Кое-кто уверял, будто Макс выкрал Мейти с борта яхты одного титулованного семейства, которая неосмотрительно встала на якорь в бухте Сиднея, другие – что он некогда служил мажордомом в знатной европейской семье, поскольку не был австралийцем по рождению. Но то, кем и чем он был раньше, было надежно похоронено в тумане прошлого, с тех пор как Макс привез его к себе, нарек именем Мейти и дал карт-бланш на управление огромным особняком. Как бывало всегда, Макс не ошибся в своем выборе. Мейти сыграл отведенную ему роль в рождении легенды о Харперах и сам стал ее краеугольным камнем.

– Доброе утро, Мейти. – Билл дружески пожал руку старику. В непомерно широком свадебном галстуке и со здоровенной гвоздикой в петлице тот выглядел почти нелепо. Но спину он держал с прежней прямоотой, а орлиный взор и высокомерный вид спасали его от насмешек.

– О, мистер Макмастер! Доброе утро, сэр. Как поживаете? Как идут дела... в том месте?

Мейти неизменно именовал другое поместье Харперов в Эдеме именно так, поскольку никогда не бывал там, да и не имел на то ни малейшего желания. Билл ухмыльнулся.

– Отлично, спасибо, Мейти. Во всяком случае, когда я был там в последний раз, там все было отлично. Сегодня у нас большой день.

– О да, сэр, вы правы. Мы исполнили все ваши указания, как и просьбы мисс Стефани, но, пожалуй, я позволю себе упомянуть о том, что внес и кое-какие коррективы. Я удвоил количество шампанского, коего, по мнению кейтеринговой компании, нам должно было хватить – *скудость* нам не пристала, – а само место проведения свадебной церемонии передвинул глубже в сад, дабы обеспечить тень новобрачным и гостям, когда солнце поднимется в зенит. Полагаю, вы сами убедитесь, что все остальное идет по плану.

– У вас по-другому не бывает, Мейти. Вы – настоящее сокровище, честное слово.

– Благодарю вас, сэр. Давненько у нас не бывало ничего подобного, не так ли? Следует отдать должное традициям дома Харперов. А теперь прошу простить меня, сэр...

После того как старик удалился, Билл мыслями вернулся к последнему значительному событию у Харперов. Нет, это были не свадьбы Стефани – первая состоялась вне пределов их сферы деловых интересов, в Англии, а вторая ограничилась быстрой и тихой граждан-

ской церемонией в Элис-Спрингз, где в тот момент случайно оказался ученый-исследователь. Нет, это были похороны Макса – когда вся Северная территория собралась на грандиозные поминки, растянувшиеся на несколько дней.

Семнадцать лет назад... Билл до сих пор помнил смерть Макса так, словно она случилась только вчера. Долгие часы ожидания в обшитой деревянными панелями библиотеке в Эдеме, душная атмосфера, негромкие разговоры с одной целью – убить время. Появление в дверном проеме Стефани, подобной призраку, ее храбрый тост в честь отца, произнесенный дрожащим и срывающимся голосом, за которым последовал нервный срыв с последующим отчаянным бегством из дома. Часы шли за часами, а она все не возвращалась. Джим Гулли, шеф местной полиции, присутствовавший на траурной церемонии, занервничал и уже собрался отправить за девушкой поисковую партию. Поговорив с живущими на ранчо аборигенами, он выяснил, что вместо своего постоянного скакуна Стефани оседлала другого коня, норовистого и необъезженного. И если где-нибудь в глуши он сбросил ее с седла, то надежды отыскать ее живой почти не было.

Но Кейти, экономка Эдема, лишь фыркнула в ответ на страхи Гулли и с презрением отмела их:

– Кинг? Сбросит Эффи? Вы не знаете их так, как я. Эффи – единственная из всех, мужчин, женщин или детей, кто может подняться в его седло. Она сама дрессировала его, когда он был еще жеребенком. И с тех пор он никого к себе не подпускает, кроме нее. Ей он повинуетя беспрекословно, а вот из вас запросто вышиб бы дух, – добавила она, окинув презрительным взглядом внушительное брюхо Гулли. Но, по мере того как день клонился к вечеру, опасения начали понемногу одолевать и самого Билла. Однако он давно знал Кейти, знал, что именно она воспитывала Стефани (или Эффи, как она упрямо называла ее) с самого рождения, после того как ужасно затянувшиеся и трагичные роды лишили Макса той единственной, кого он любил по-настоящему. Нежеланное дитя было передано попечению Кейти, которая обрушила на него всю нерастраченную любовь одинокой старой девы. Кейти знала Стефани лучше кого бы то ни было. Биллу оставалось только надеяться, что она окажется права.

Так и вышло. Когда над Эдемом с ужасающей быстротой сгустились сумерки, в комнату вошла Стефани, с таким спокойным видом, будто она всего лишь вышла за носовым платком. Она никогда не вспоминала о том, что заставило ее с криком убежать прочь, а Билл никогда не расспрашивал об этом. Она вошла в библиотеку, держа голову высоко поднятой, задрвав подбородок, всем своим видом давая понять, что она – достойная дочь своего отца. Билл не отличался особой впечатлительностью ни тогда, ни позже, но он готов был расплакаться от облегчения не только потому, что Стефани вернулась целой и невредимой, но и потому что во главе компании «Харпер Майнинг» вновь встанет истинный представитель семейства. Стефани. Макс в миниатюре.

Разумеется, не все шло гладко. Стефани была неопытной, юной и пугливой. Макс, хотя и назначил ее своей наследницей, не потрудился подготовить ее к этой роли. Посему ей предстояло учиться на ходу, засиживаясь за учебниками и разбираясь с учетными книгами, цифрами, балансовыми ведомостями, прибылями и убытками, валясь с ног от усталости, с ужасом осознавая всю грандиозность того, за что она взялась. Но рядом с нею, терпеливый и неутомимый, неизменно оставался Билл. Он буквально светился тихой гордостью, вспоминая, какого прогресса добилась его протеже – и как оплатила ему за бесконечные часы, дни, недели и месяцы его усилий. Она тысячу раз доказала, что унаследовала от отца его деловую хватку.

Кроме того, она обладала и еще кое-чем, неким шестым чувством, которое Билл сначала отказывался принять, а потом и объяснить. У нее обнаружилось безошибочное чутье, которое предупреждало ее о грядущем обвале на бирже или невыгодной сделке, а когда Билл наседавал на нее по этому поводу, она всегда отделялась ничего не значащим «я просто знала». Откуда оно у нее взялось, она и сама не понимала. Билл называл эту ее способность «женской

интуицией», но в глубине души приписывал ее тому, что она выросла в Эдеме. Здесь, на вольном просторе, Стефани овладела искусством пребывания в полном одиночестве – в состоянии, когда можно услышать негромкий внутренний голос, который шепотом открывает вам тайны жизни. Здесь же она проводила много времени среди аборигенов, сблизилась с ними, разделяя их загадочное единение с природой и всеми живыми существами. Она умела обращаться с животными, составляя единое целое с этим миром и воздухом, которым дышала. Некоторые из этих талантов Стефани взяла с собой в город, хотя невнимательному постороннему взгляду она казалась не просто заурядной, а неуклюжей, некрасивой, нескладной и застенчивой.

У нее обнаружилось только одно «слепое пятно». Билл тяжело вздохнул, вспоминая о ее главной слабости. Стефани совершенно не разбиралась в мужчинах. Он с содроганием припомнил первые ее два неудачных замужества, и ослабил пальцем воротник, когда представил, каким кошмаром они могли обернуться – в обоих случаях компании «Харпер Майнинг» на удивление легко удалось отделаться. Герцогская семейка молодого отпрыска английской аристократии только и мечтала о том, чтобы избавиться от нее, а еще испытывала настолько неприличную благодарность за то, что она не собиралась подавать на него в суд, дабы потребовать алиментов, что им даже не пришлось в голову нанести ответный удар. А профессор, невзирая на все свои недостатки, оказался настоящим ученым, начиная от очков в роговой оправе и заканчивая высохшими кончиками пальцев. Он презирал все мирское, особенно большие деньги, и пришел в ужас, когда узнал, что женился на обладательнице крупнейшего в Австралии личного состояния. Причем оба мужа, думал Билл, обладай они чуть большей сообразительностью, могли бы потребовать от «Харпер Майнинг» таких отступных, каких только захотели бы.

Могло ли нечто подобное произойти сейчас? Билл был потрясен до глубины души, узнав о коротком романе Стефани и ее желании непременно выйти замуж в очередной раз. В нем моментально проснулись подозрения. Будучи умудренным опытом человеком, он видел в Стефани, приближающейся к сорока годам, женщину, которая была неопытна до наивности в интимных делах, страдающую избыточным весом и отчаянно уязвимую в общении с мужчинами, если речь не шла о деловых вопросах. Что она нашла в этом плейбое? Он по секрету поделился тревогами с супругой Риной, заботливой и понимающей женщиной, на чье мнение привык полагаться безоговорочно.

– Быть может, ты ошибаешься в нем, дорогой, – заявила ему Рина. – Дай ему шанс. Ты знаешь, что она – нежная, сильная, честная и преданная женщина. Откуда тебе знать, быть может, и он разглядел в ней эти качества? – Билл не нашелся, что ответить. Но его не отпускало дурное предчувствие, от которого у него даже покалывало кончики пальцев...

* * *

И сейчас, заслышав рев мотора роллс-ройса, поднимающегося по подъездной аллее, он чувствовал облегчение и вместе с тем раздражение. Мейти подскочил к двери, дабы приветствовать человека, который вскоре станет его новым хозяином, и провел его к предназначенному жениху месту в саду, где уже поджидал священник для проведения церемонии. Билл пересек просторный холл, подойдя к подножию лестницы, где на страже, охраняя покой своей хозяйки, лежал Кайзер, обожаемая Стефани эльзасская овчарка.

– Привет, приятель, – обратился к овчарке Билл. – Стефани собирается сойти вниз или нет?

Кайзер негромко залаял в ответ, наострил уши и в мгновение ока оказался на ногах, заслышав звуки шагов наверху. Стефани и Джилли вместе спускались по лестнице к поджидающему их Биллу.

– Стефани, дорогая, ты выглядишь превосходно. Прямо как с картинки.

– Благодарю тебя, Билл. – В кои-то веки Стефани приняла комплимент спокойно и с достоинством, без самоуничижения.

– И ты, Джилли, тоже, разумеется. Как прошла поездка?

– Спасибо, нормально.

Стефани взяла Билла под руку и отвела его в сторонку, чтобы Джилли не услышала их.

– Билл, ты привез те бумаги, которые я должна подписать?

– Да, привез. – Билл умолк в нерешительности. – Но я должен сообщить тебе, что совет директоров не выказал особой радости по этому поводу.

– Я и не ожидала от них иного. – В такие моменты Стефани становилась истинной Харпер, жесткой и непреклонной. – С меня довольно и того, что ты продавил решение.

– Да, это точно. Ты всегда можешь положиться на меня, Стефани... – Он вновь заколебался. Она же окинула его спокойным взглядом:

– Итак, что ты об этом думаешь, Билл? Что у тебя на уме, выкладывай. Ты тоже считаешь меня круглой дурой?

Они остановились под портретом Макса, копией оригинала, который оживлял Эдем своим присутствием. Буквально затылком ощущая хорошо знакомый ястребиный взгляд, Билл ответил с горькой улыбкой:

– Дураков среди Харперов до сих пор не встречалось. Если бы ты захотела, то могла бы самостоятельно управлять компанией «Харпер Майнинг» и прочими компаниями. Ты научилась всему, что я смог дать тебе. Кроме того, ты от природы обладаешь потрясающими способностями. Если бы только дала себе труд поверить в них. Тебе больше не нужна моя помощь.

– Нет, нужна. Нужна, и еще как! – Стефани была явно возбуждена, потому говорила горячо и страстно. – Ты же понимаешь, что я бы не продержалась без тебя столько лет, – она вдруг жалобно улыбнулась. – Пожалуй, мне все-таки нужен мужчина, чтобы опереться на него.

– Согласен. Но тем не менее мне кажется, что ты поступила бы умнее... и благоразумнее, если бы... э-э... обеспечила содержание своему супругу из личных средств, а не из фондов корпорации. Совет директоров встал на дыбы, когда узнал, что должен одобрить ему особое содержание за счет компании.

– Ох, Билл, – Стефани тяжело вздохнула, – неужели ты ничего не понимаешь? Как, по-твоему, будет чувствовать себя мужчина, живущий на содержании своей супруги? Мои деньги способны отпугнуть от меня любого мужчину, склонного на мне жениться.

«Только не этого мужчину, – подумал Билл, – если я хоть в чем-нибудь еще разбираюсь. Стефани, Стефани, до чего же ты мягкая, доверчивая и наивная».

– В прошлом они были для меня источником трудностей, – продолжала Стефани. – И я не намерена повторять прежние ошибки. Я хочу, чтобы мой муж был финансово независим с самого начала нашей супружеской жизни, располагая собственными средствами и доходами. Кроме того, я *не хочу*, чтобы это выглядело подаянием! – В глазах ее заблистали грозные огоньки, а подбородок упрямо выдвинулся вперед – Билл безошибочно уловил симптомы надвигающейся бури.

– Не волнуйся, с этим не будет никаких проблем, – успокаивающе проговорил он. – Начиная с этого момента, Грег включен в платежную ведомость.

– Благодарю.

– Я всего лишь забочусь о твоём счастье, Стеф. Если тебе понадобится помощь, тебе достаточно попросить.

– Я знаю.

Билл наклонился, чтобы поцеловать ее, но следующие слова Стефани заставили его застыть на месте.

– И еще одно, Билл. Я много думала об этом и решила, что сделала недостаточно. Я хочу, чтобы Грег был включен в совет директоров корпорации «Харпер Майнинг». Нам нужно дать

ему реальную власть, а не просто часть акций и набор звучных, но пустых титулов. Займись этим, хорошо?

Билл, не веря своим ушам, уставился на нее, пытаясь справиться с шоком и подавить поднимающийся в груди гнев. Стефани не мигая смотрела на него. И тут он всецело осознал тот простой факт, что видит перед собой дочь Макса, которая предъявила ему ультиматум. Она не спрашивала его мнения и даже не нуждалась в его совете. Он выдавил беззаботную улыбку, кивнул и нежно поцеловал ее в щеку.

– Предоставь это мне. Удачи тебе, моя дорогая, и всего наилучшего. – Выпрямившись, он огляделся. В дальнем конце сверкающего чистотой холла виднелись двери в столовую, где длинные столы, накрытые белыми скатертями, уже ломились от яств в ожидании праздника после торжественной церемонии. Сам же холл был полон презентов в ярких обертках, больших и маленьких, а из гостиной открывался вид в чудесный сад, где жених и гости уже ожидали невесту. Вот появилась Джилли, держа в руках большой букет для Стефани и поменьше – для себя. Воздух благоухал головкружительными ароматами цветов.

Все было готово. Билла охватило чувство беспомощности. События вышли из-под контроля простого смертного и свернули на неизбежный, predetermined самой судьбой курс. И он склонил голову перед силой обстоятельств.

– А теперь, моя дорогая, – сказал он, беря Стефани под руку, – давай выдадим тебя замуж, хорошо?

* * *

Снаружи, в саду, теплый воздух застыл в недвижимости. Чуть раньше прошел дождь, даже не дождь, а самый настоящий стремительный тропический ливень, когда казалось, что запланированную на проведение в саду церемонию придется перенести внутрь, в духоту и тесноту. Но дождь закончился так же быстро, как и начался, оставив лужайки и цветущие деревья свежими и умытыми. Полдень, час назначенного свадебного торжества, миновал, однако в небе еще ослепительно сияло знойное солнце. Изнурительную жару умеряли тенистые деревья, укравшие собравшихся под ними гостей.

В самом сердце этого зеленого храма перед импровизированным алтарным столиком стоял Грег вместе со своим свидетелем. Справа от него, за пределами сада, раскинулась гавань, к срезу воды которой сбегали лужайки. В самой гавани яхты весело сновали туда-сюда или покачивались на якоре у берега. Чуть дальше выгнулась дугой сверкающая арка моста Харбор-Бридж, соединяя две части города. «Вид – на миллион долларов», – с удовлетворением подумал Грег. Он любил Сидней и, хотя ему довелось объездить весь мир, участвуя в соревнованиях, он считал, что никакой другой город не может с ним сравниться. Он смотрел на сверкающую гладь воды, чувствуя, как унимается в груди холодная ярость, его постоянная спутница еще с детских лет. В эту минуту в душе Грега Марсдена почти воцарились мир и покой.

Невысокий священник, стоя рядом со свидетелем, с любопытством поглядывал на Грега. За все годы празднования брачных союзов нередко случалось, что опаздывала невеста, но вот жених – никогда. Он перенес вынужденное ожидание с христианским смирением, укрепляя свой дух верой в то, что все обернется к лучшему. В конце концов так оно и случилось. Жених со свидетелем прибыли, и теперь с минуты на минуту из дома должна была показаться невеста с гостями и пройти по бархатно-зеленой лужайке к тому месту, где ее поджидали жених с конгрегацией. Священнику хотелось верить в то, что самоуверенный молодой красавец, в небрежной позе стоявший перед ним, духовно и эмоционально готов к женитьбе. «Господи Всемогущий, – горячо и искренне молился он про себя, – помоги ему, будь с ним рядом сегодня, направь его на путь истинный». Вновь открыв глаза, священник подверг Грега пристальному осмотру. Тот явно погрузился в глубокую задумчивость. У священника polegало на сердце.

Благодать Божья может сойти на любого из чад Его в самый неожиданный момент. Он знал мужчин, кои осознавали свой моральный долг и обязанности брачного союза, стоя прямо у алтаря. И, быть может, Господь уже сейчас принимает одну из своих заблудших овец в свою отару?

«Венеция, – думал в это время Грег, – только Венеция. Единственный город на земле, способный поспорить с Сиднеем в том, что касалось воды и ее безусловного участия в жизни жителей города. Но каналы в Венеции смердят, и в них полно мусора, – размышлял он. – И даже при этом она остается самым подходящим местом, куда стоило бы отправиться в медовый месяц. Именно с нее мы и начнем свой свадебный вояж. А потом – в Париж, а еще, быть может, в Прованс или Дордонь»...

По его правильным чертам скользнула тень досады. Его уверенность в том, что они проведут медовый месяц в Европе, непреднамеренно разрушила сама Стефани, когда они впервые обсуждали свадебные мероприятия.

– Я приготовила для тебя замечательный сюрприз, – радостно сообщила она ему. – Эдем! Сразу же по окончании торжеств мы сможем уехать туда и провести там наш медовый месяц только вдвоем, причем сделав его таким долгим, каким нам только захочется. О, Грег, это будет настоящее блаженство!

Эдем? На мгновение Грега охватила паника. Жуткая дыра в захолустье, отрезанная от всего, что составляло смысл жизни городского мальчишки: веселье, суета, яркие огни, уличная музыка! Но он постарался отогнать от себя досадные мысли. «У нас впереди будет еще много времени, – сказал он себе, – много времени и возможностей. Я уже бывал в Европе раньше и поеду туда вновь». Он не сомневался, что в Эдеме найдет себе занятие по душе. Например, он может ездить верхом, причем чем необузданнее окажется конь, тем лучше, или поупражняться в стрельбе из ружья; может обновить те навыки, которые он приказал себе забыть в тот момент, когда вооружился ракеткой и отправился покорять Сидней. Официально он считался сиротой. «В Австралии легко добиться того, чтобы тебя признали таковым», – улыбнулся он. С его стороны родственников на свадьбе не будет – уж об этом он позаботился. Он был человеком из ниоткуда. Таковым был его тщательно разработанный имидж, и он вполне его устраивал. Отступать от этого образа он не собирался. Он решил, что ничего страшного не произойдет, если он проведет месяц в Эдеме, ненадолго вернувшись к прежней жизни. Кроме того, Стефани будет счастлива.

Стефани. Грег вновь нахмурился. Он ведь не просто развлекал ее. Он действительно хотел сделать ее счастливой, намереваясь незамедлительно приступить к осуществлению своих планов. Он все-таки был мужчиной, чтобы понимать – ее счастье зависит от того, насколько счастлив будет он сам. Учитывая, что оба они сосредоточатся на одном и том же человеке – на Грее, – он не предвидел здесь никаких проблем. Стефани едва ли не в открытую тысячу раз уже повторила ему, что он делает ей одолжение, беря ее в жены. В глубине души, несмотря на все ее деньги, он придерживался аналогичного мнения. Она была не из тех, за кого стоит драться и рвать сердце в клочья. Она отличалась неуклюжестью, простодушием и такой закомплексованностью, что иногда действовала ему на нервы, одним своим видом как бы извиняясь за свое существование. Для Грега, который любил женщин-кошек, независимых и бесстрашных, это явно был шаг назад.

Мысли Грега вернулись к француженке, в лице которой, о чем не догадывались его приятели, он устроил себе последнее холостяцкое развлечение. Когда его привезли домой по окончании прощальной пирушки, она уже ждала его в спальне. Перед его внутренним взором вновь всплыл ее твердый провоцирующий взгляд, маленькие остренькие белые зубки и ее фигурка, залитая призрачным лунным светом. Мысленно он вновь принялся медленно спускать с плеч бретельки ее миниатюрного платья, обнажая изящные груди с темными тяжелыми сосками; он ощутил прикосновение ее тела, ее губ и языка – господи боже, что вытворял этот язычок! –

и почувствовал, как зашевелилось и напряглось при этих воспоминаниях его естество. Увы, но Стефани в эту лигу не проходила. Зато она обладала страстностью, чувственностью, чертовски хорошим телом и желанием учиться. Грег ухмыльнулся. Он уже с нетерпением ожидал возможности приступить к обучению. Он решил, что станет лучшим мужем среди даже самых пылких и любвеобильных мужей. Он заметно повеселел. Все непременно уладится самым превосходным образом.

В доме струнный квартет заиграл симфонию Баха, серьезную и печальную. Внимание всех собравшихся было приковано к выходящим в сад французским окнам гостиной. Наконец из сада вышла небольшая свадебная процессия, во главе которой выступала Стефани, опираясь на руку Билла Макмастера. Позади нее вышагивала Джилли, замужняя подруга невесты, рядом с которой семенила Сара, пятнадцатилетняя дочь Стефани от первого брака. За ними следовал Деннис, сын Стефани, которого удалось убедить отложить свою драгоценную кинокамеру хотя бы на время церемонии. Рядом с Деннисом шел Мейти, без которого любая церемония в доме Харперов была бы неполной, а замыкала шествие преисполненная великолепного достоинства эльзасская овчарка Кайзер.

Стефани, идущая по саду навстречу Грегу, была красива, как никогда в жизни. Глаза ее излучали неземную доброту, а сердце пело, паря на крыльях музыки Баха, словно птица над макушками деревьев. В голове ее крутилась одна-единственная мысль, не оставляя места ни для чего иного: Грег, Грег, Грег... Он был уже совсем близко, ожидая ее и улыбаясь ей. У нее вдруг мелькнула шальная мысль: «Я должна умереть сейчас, сию секунду, потому что достигла вершины земного блаженства...»

Священник приветствовал Стефани восхищенной улыбкой. Он любил свадьбы – в них сочеталось человеческое счастье и божественное благословение. Невеста трепетала от радости, а жениху по столь торжественному поводу представлялась возможность всерьез задуматься о будущем. Все было именно так, как, по мнению пастора, и должно быть. Можно было начинать церемонию.

– Дорогие братья и сестры, мы собрались здесь пред ликом Господа нашего и на глазах у всех присутствующих, дабы соединить священными узами брака этих мужчину и женщину, равно как и умолять Господа явить им свое благословение и милость...

Стоя позади Стефани, Джилли наклонила голову, чтобы поля большой нарядной шляпы скрыли ее пылающее лицо. Всего несколько мгновений назад она шла по саду вслед за Стефани, почти не обращая внимания на то, что происходит вокруг. Но при виде мужчины, стоявшего у алтаря, ее сонливое состояние растаяло без следа. Высокий, стройный и мускулистый, с выгоревшими на солнце волосами, горящими серыми глазами и классически безупречными чертами лица, он был самым красивым мужчиной, которого она когда-либо видела в жизни. Но дело было не только в этом. Он казался великолепным животным, едва прикрытым флером цивилизованности. Он был дик, необуздан и буквально излучал опасность – Джилли ощущала и едва ли не обоняла ее. Его физическое присутствие подействовало на Джилли, словно удар под дых. Она почувствовала себя так, словно воздух вдруг улетучился у нее из легких, а центр ее естества стал горячим и влажным. Лицо у нее запылало. Опустив голову, она притворилась, будто шепчет молитву. Но при этом она полностью отдавала себе отчет в том, что ей не устоять перед ним. Была в нем какая-то сумасшедшинка, которая взывала к глубоко запрятанному где-то внутри нее безрассудству, и она знала, что ответит на этот зов. Но почему же, почему это должен был оказаться именно муж Стефани?

Стоявшая рядом с Джилли Сара тоже вела битву со своими противоречивыми страстями. Опустив глаза, дочь Стефани упивалась собственными страданиями и чувствовала себя настолько же несчастной, насколько ее мать была счастливой. В возрасте пятнадцати лет она была уже в достаточной мере женщиной, чтобы воспылать к парочке у алтаря чистой и священной ненавистью, но при этом оставалась в определенной степени ребенком, с его желанием

расплакаться навзрыд и убежать куда глаза глядят. «Как она могла, нет, как она могла, – с гневом вопрошала девочка, – как она могла, да еще с кем – с *ним*? Когда он не улыбается, глаза у него делаются холодными, как у ящерицы, а еще он слишком молод для нее и вообще отвратителен и достоин только презрения». Ее брат Деннис, переминавшийся с ноги на ногу позади нее, проявил чуткость, удивительную для тринадцатилетнего юноши, заметив напряжение в развороте ее плеч и посадке головы. Подавшись вперед, он взял Сару за руку и по-братски сжал ее. Сара резко вырвала у него ладонку и повернулась к нему спиной, выражая теперь уже ему свое презрение. Тем времени Стефани Харпер, не подозревая о кипящих позади нее душевных страстях, благополучно превратилась в миссис Марсден.

Затем заиграла музыка, посыпались поздравления, шампанское полилось рекой, и началось веселье. Джилли не стала терять времени в надежде вернуть себе уверенность и спокойствие в солидном обществе своего супруга Филиппа, коего обнаружила в столовой. Он помогал Деннису и Саре сделать правильный выбор на ломящемся от яств буфете.

– Ну, Деннис, – дружески говорил он, перекладывая мальчику на тарелку ножку холодного цыпленка со специями, – что ты думаешь о новом муже своей мамы?

– Я почти не знаю его, – ответил тот. – До сих пор я встречался с ним всего два раза.

– Думаю, это могут сказать и все остальные, не так ли? – Джилли присоединилась к разговору, намереваясь перевести все в шутку и при этом стараясь сменить эту опасную тему. – Эй, детвора, а как это вам удалось отпроситься из школы на целый день? – Дети учились в двух самых лучших и старинных учебных заведениях Сиднея, где и жили, когда их мама отлучалась по делам.

– На самом деле, никаких проблем не возникло, тетя Джилли, – с презрением отозвалась Сара. – Мама всегда разрешает нам прогуливать, когда это нужно *ей* – поэтому, наверное, мы должны радоваться, что такая оказия представилась в момент ее очередного замужества!

– Сара! – Филипп был не на шутку потрясен. Не сказав ни слова, девочка вышла из комнаты с гордо поднятой головой.

– Нас отпустили в награду за хорошее поведение, – пошутил Деннис, пытаясь сгладить грубую выходку сестры, но, пробормотав слова извинения, тут же выскочил вслед за нею, выкрикивая на ходу:

– Сестренка! Эй, подожди меня!

– Бедные дети, – с чувством изрек Филипп. – Стефани, похоже, потеряла голову, но им-то от этого не легче, верно? Тем не менее полагаю, что все наладится, когда они вернутся из свадебного путешествия.

Джилли ничего не ответила, и Филипп метнул на нее озабоченный взгляд.

– Что-то ты непривычно молчалива. Ты наверняка проголодалась. Давай я положу тебе чего-нибудь. Хочешь выпить? В баре полно шампанского, сейчас я принесу тебе бокал.

– О, не суетись, Фил. – Нервы у Джилли звенели как натянутые струны. – Со мной все в порядке. Это просто дает о себе знать разница во времени после перелета.

– Хм. – Филипп усомнился в правдивости подобного объяснения, но не стал выражать свои мысли вслух. Высокий, статный и элегантный в безупречно сидящем на нем темном костюме, Филипп, даже приближаясь к шестидесяти, все еще оставался привлекательным мужчиной. Но годы жизни с женщиной намного моложе его, которой он постепенно наскучил, но которую продолжал любить всем сердцем, научили Филиппа осторожности. Бросив на супругу вопросительный взгляд, он сменил тактику:

– Что ж, прием получился замечательным. Да и свадьба, по-моему, удалась.

– Ха! А чего ты ожидал? Надо смотреть правде в глаза – у Стефани была обширная практика. – Джулия принялась нервно рыться в сумочке в поисках сигареты. Взяв ее зажигалку, Филипп дал ей прикурить.

– В твоём голосе действительно прозвучали стержневые нотки, дорогая, или мне показалось?

– Извини. Я просто устала. – Джилли признательно погладила его по щеке.

– Мы здесь долго не задержимся.

– Хорошо. – Повисла пауза. Джилли изо всех сил старалась не думать о...

– Что скажешь о Грегге Марсдене? – вдруг спросил Филипп.

Джилли глубоко затянулась сигаретой и ненадолго задумалась, прежде чем ответить.

– О нём? Я не доверила бы ему даже мелочь из своего кошелька.

* * *

Шум свадебных торжеств остался позади. На самом краю владений Харперов, у среза воды Деннис наконец отыскал Сару под огромным деревом, ветки которого опускались чуть ли не до земли, образуя естественный шатер, и неловко попытался утешить сестру:

– Эй... улыбнись, Сара. Это же не конец света. У тебя по-прежнему есть я!

Сара посмотрела на него полным слез негодующим взглядом, но ничего не ответила. Деннис предпринял новую попытку:

– Главное – мама счастлива. Она имеет на это полное право.

– Ага. – Сара упорно продолжала всматриваться в далекую линию горизонта. – Но почему это должен был оказаться именно *он*?

– А почему нет? – озадачился Деннис. – В принципе, он – нормальный парень.

– Он купил тебя! – Сара выплеснула всю свою желчь на несчастного и незащитного младшего брата. – Этой чертовой кинокамерой. Он купил тебя с потрохами!

– Нет, не купил. Ну разве что совсем немножко. Но что конкретно ты имеешь против него?

– Не знаю. Просто... – Сара пыталась описать то, что выходило за пределы ее восприятия, и потому не находила нужных слов. – Я просто чувствую, что есть в нём что-то такое...

* * *

«В нём действительно что-то есть», – мысленно решил Билл. Он вынужден был признать, что сегодня Грег вел себя просто безукоризненно. Он рассыпался в извинениях за свое опоздание, был безупречно вежлив с дамами и тверд с джентльменами, он галантно ухаживал за Стефани и улыбался всем направо и налево.

– Я же говорила тебе: дай ему шанс, – с самодовольством прозорливой жены сказала Биллу Рина, и Билл с готовностью признал, что ошибался. Нескрываемая радость Стефани, чудесный денек и превосходное охлажденное шампанское заставили его смягчиться. Гости разбрелись по саду, затерявшись среди цветущих деревьев, рядом с которыми женщины в своих ярких платьях сами походили на цветы. В лучах предзакатного солнца гардении и красный жасмин источали тяжелый дурманящий аромат. Близилось время, когда новобрачным полагалось уехать. Оставив Рину, Билл спустился к кромке воды, где у причала стояла на якоре яхта Стефани, готовая отплыть в свадебное путешествие.

– Билл! – К нему по склону спешил Грег. – Ну, что скажете? Все прошло хорошо, не так ли?

– Очень хорошо. Стефани сказала мне, что вы решили не ехать в свадебное путешествие в Европу. Вместо этого вы летите в Эдем.

– Да-а, но не сразу. Для начала мы хорошенько отдохнем на яхте. Прошлый месяц выдался весьма утомительным, учитывая все организационные хлопоты и попытки избежать

пристального внимания прессы, – Грег сокрушенно рассмеялся, – после чего мы отправимся в любимый Эдем Стефани, где я смогу познакомиться с прелестями простой жизни.

В голове у Билла тут же сложился план:

– Что ж, в таком случае... быть может, вы сумеете заглянуть ко мне в контору перед отъездом?

Грег мгновенно насторожился:

– Конечно. Я приду, когда вам будет удобно. С удовольствием.

– Вот и отлично. Скажем, в одиннадцать тридцать в любой день. Позвоните моему секретарю. А после мы с вами пообедаем. Я познакомлю вас с компанией «Харпер Майнинг», ведь вам предстоит составить себе представление не только о нашем захолустье. Так сказать, получше узнать друг друга.

– С нетерпением буду ждать такой возможности, Билл. Рад случаю свести с вами близкое знакомство. Благодарю вас за приглашение.

Мужчины пожали друг другу руки.

– До встречи, – кивком попрощался Билл. Грег проводил его самой своей искренней улыбкой, а внутри у него все пело. «Ты снова добился своего, малыш, – поздравил он себя. – Это так легко, когда никуда не спешишь...»

Внутренне улыбаясь, Грег повернулся к каменным ступеням, чтобы подняться по ним к дому. И тут из столовой на террасу наверху лестницы вышла женщина и, облокотившись на резную балюстраду, откинула голову и сделала глубокий вдох, словно борясь с обмороком. Она мгновенно привлекла к себе его внимание, и Грег окинул ее привычным оценивающим взглядом: отличная фигурка, крепкая грудь, лет тридцать пять, но из-за этого он не стал бы выгонять ее из своей постели... И вдруг, словно почувствовав на себе его взгляд, женщина взглянула вниз. Вот это глаза! Господи, что за глаза у нее были – кошачьи, светлые, почти желтые и, когда она уставилась на него, они превратились в черные щелочки, бездонные и бросающие вызов. Грег ощутил, как по телу его пробежала дрожь возбуждения. В следующий миг женщина развернулась и едва ли не бегом бросилась обратно в дом. Кто это?.. Что это?.. Чувствуя, как звенят от предвкушения блаженства натянувшиеся нервы, Грег стал медленно подниматься по лестнице.

Филипп не на шутку встревожился, когда Джилли, вышедшая было на террасу, чтобы подышать свежим воздухом, влетела внутрь с такой быстротой, словно за нею черти гнались. Он тут же последовал за нею, но оказался недостаточно проворен, чтобы настичь супругу, прежде чем она заперлась в ванной наверху, выходить откуда наотрез отказалась, невзирая на все его мольбы.

– Со мной все в порядке, Филипп, – только и заявила она в ответ. – Это все жара. Я сейчас умоюсь, а потом немедленно сойду вниз. Ступай в сад и жди меня там.

Сидя в ванной, Джилли слышала, как замирают вдали шаги Филиппа. С трудом заставив себя встать, она медленно подошла к зеркалу и уставилась на свое отражение, не узнавая себя в женщине, которая смотрела на нее оттуда, – покрасневшейся и задыхающейся, с диким взором. Она была еще не готова встретиться с ним лицом к лицу. И вновь на нее накатило ощущение его физического присутствия. Соски у нее затвердели, и она провела по грудям обеими руками, глядя на себя в зеркало. Но она жаждала ощутить прикосновение не этих маленьких белых ладошек с накрашенными розовым лаком ногтями, а сильных и загорелых рук – и вновь внизу живота у нее вспыхнул огонь, а по ногам потекла красноречивая влага. Джилли в отчаянии сползла на пол. Опытные пальчики быстро скользнули к очагу ее жгучего желания, и уже через несколько секунд ее охватило неизмеримое блаженство. А потом еще раз и еще, и, содрогаясь от чувственного наслаждения, она вновь и вновь шептала одно и то же имя.

Безутешно бродя по саду, Филипп наткнулся на Стефани и Денниса. Когда он подошел к ним ближе, Деннис с гордостью продемонстрировал ему кинокамеру, размахивая бокалом шампанского, зажатым в другой руке.

– Филипп! – окликнула его Стефани, – как насчет того, чтобы сфотографировать меня с моим взрослым сыном?

– С удовольствием, – ответил Филипп. – Но где же Сара? Быть может, мы снимем семейное трио?

Стефани поморщилась:

– Похоже, я не пользуюсь особой любовью у собственной дочери. Когда вернусь, то поговорю с нею и постараюсь найти общий язык.

– Не волнуйся, она успокоится, – великодушно утешил мать Деннис.

– Очень на это надеюсь. А ты как?

– Я в порядке. Ладно, дядя Фил, снимайте.

Филипп начал снимать, приговаривая:

– Отлично, улыбайтесь и смотрите сюда. Сейчас вылетит птичка.

Стефани рассмеялась, обняла Денниса за плечи, притянула его к себе и взъерошила ему волосы.

– Я люблю тебя, – сказала она. Деннис посмотрел на нее сияющими глазами. Камера негромко жужжала.

– Ну же, скажи что-нибудь, Денни, а то мы с тобой похожи на парочку манекенов в витрине магазина!

Деннис отсалютовал бокалом с шампанским, оценивающе глядя на него с видом знатока:

– Хороший год, не так ли?

– Ты станешь пить шампанское? А я-то думала, что ты всего лишь позируешь! Что скажет директор, если я отправлю тебя обратно в школу в таком непотребном виде?

– А ему нет до этого решительно никакого дела, – небрежно отмахнулся Деннис. – Все равно там все ребята потягивают.

Стефани звонко рассмеялась и ласково поцеловала сына во взъерошенную макушку.

– Чудесный кадр, – крикнул им Филипп.

– Спасибо, Филипп, довольно.

Возвращая кинокамеру Стефани, Филипп с радостью заметил, что к их маленькой группке приближается Джилли. Выглядела она сейчас намного лучше – живее и спокойнее. На губах у нее заиграла дружеская улыбка, когда она подошла к Стефани.

– Привет, малышка! Как поживаете, миссис Марсден? Как настроение?

– Замечательно, Джилли. Я так счастлива. У меня такое чувство, словно двух моих прежних браков попросту не существовало!

Деннис застыл, разрываясь между оскорблением и обидой. Не удостоив Стефани взглядом, мальчик развернулся и деревянной походкой направился обратно к дому. Джилли сжала руку подруги.

– Он не понял, что ты имела в виду совсем другое.

– Но именно в этом и заключается проблема. – Стефани вперила в Джилли взгляд своих больших честных глаз. – Я ведь действительно сказала то, что думала. – Но, когда она посмотрела куда-то за спину Джилли, лицо ее просветлело. – Впрочем, все образуется. Смотри, кто к нам пожаловал.

По лужайке шествовал Грег, откровенно разглядывая всех особей женского пола, оказавшихся в поле его зрения. Обойдя весь дом в поисках таинственной незнакомки с горящими светлыми глазами, он сообразил, что неприлично долго пренебрегает обществом Стефани, и решил вернуться к ней, дабы сыграть роль добропорядочного супруга. «Беспокоиться не о чем, – сказал он себе. – Я обязательно найду ее». Заприметив вдалеке Стефани, он разглядел,

что она разговаривает с какой-то курицей в огромной шляпе. Он дал себе клятву, что после сегодняшнего дня больше никогда не станет разыгрывать галантность перед столькими незнакомыми ему людьми. Изобразив на лице вежливую улыбку, он подошел к жене.

– Дорогой! – Стефани буквально лучилась радостью. – Ты еще не был представлен Филиппу Стюарту.

– Филипп... – Грег пожал протянутую ему руку.

– А это... это – моя подруга Джилли.

Грег обернулся. Вежливая улыбка застыла у него на губах – прямо перед собой он увидел кошачьи глаза женщины с террасы, которые не мигая уставились на него.

– Привет, Грег. Мои поздравления.

– Благодарю вас.

Не подозревая о том, какие подводные течения и страсти бурлят рядом с ней, Стефани продолжала тараторить без умолку:

– Вы – самые дорогие для меня люди. Не считая детей, только вас двоих я люблю больше всех на свете. И мне очень хотелось познакомить вас. Я хочу, чтобы вы стали друзьями. Вы ведь обещаете мне это, не так ли? Ради меня?

Горькая ирония положения была очевидна обоим дорогим ей людям. Джилли хотелось закричать во весь голос. Она не осмеливалась взглянуть на Грега, хотя и чувствовала, что он не сводит с нее глаз.

– Идите сюда, Джилли, Грег... Встаньте рядышком. Я хочу запечатлеть вас обоих вместе. – Отступив на несколько шагов, Стефани прицелилась в них видеокамерой кинокамеры.

– Стеф... Я только что сошла с трапа самолета... И разваливаюсь на части из-за разницы в часовых поясах.

– Дорогая, ты выглядишь прекрасно, как всегда, – не унималась Стефани.

– Ты преувеличиваешь.

– Ты выглядишь потрясающе, Джилли, просто потрясающе.

Джилли почувствовала, что к ней подходит Грег, но отчаянно пыталась сосредоточить все свое внимание на Стефани.

– Придвиньтесь друг к другу еще немного, – скомандовала Стефани. Небрежным движением руки, в котором чувствовалась большая практика, Грег обнял Джилли за талию и привлек к себе. До конца дней своих она будет помнить то первое прикосновение, когда они прильнули друг к другу бедрами на благоуханной лужайке. По ее телу огненной волной прокатилось столь жгучее желание, что ее забила дрожь. Тяжелый аромат деревьев давил на ее мысли и чувства. Как будто откуда-то издалека до нее доносились восторженные вскрики Стефани: «О, эти кадры достойны премии Академии киноискусства!» – при этом все ее существо сфокусировалось на его руке, обнимающей ее за талию, на его теплом бедре, прижимающемся к ней, на близости этого мужчины. Повернув голову, чтобы взглянуть на него, она по его глазам поняла, что он догадался обо всем.

– Скажите что-нибудь, Джилли, – прошептал Грег.

– Сы-ы-ы-ыр, – едва слышно пролепетала Джилли.

* * *

Наконец наступила ночь. Счастливые новобрачные отбыли в свадебное путешествие на роскошной шестидесятифутовой яхте, поджидавшей их у частного причала на самой границе владений Харперов. Гости дружно пожелали им счастья на прощанье, после чего потихоньку разъехались по домам.

В своем доме на Хантерс-Хилл Джилли отразила робкие и благовоспитанные домогательства Филиппа, заявив, что слишком устала для того, чтобы заниматься любовью, после

чего всю ночь пролежала с открытыми глазами, истязая себя видениями того, как Стефани возносится на вершину блаженства, утомленная и пресытившаяся любовью.

Тем временем в главной каюте яхты Стефани тоже не смыкала глаз, напряженная, истрадавшаяся и одинокая. «Прости меня, прости меня, прости меня, – стучало у нее в висках. Она взглянула на Грега, лежащего рядом с нею в темноте. – Как можно безумно любить мужчину и при этом оказаться решительно неспособной делать это правильно?»

– Не переживай, – успокоил он ее, прежде чем заснуть, – я люблю тебя, и впереди у нас масса времени.

Но, медленно погружаясь в пучину отчаяния, мучимая дурными предчувствиями, Стефани сомневалась, что время способно исправить хоть что-нибудь.

Глава третья

Поздним утром в пятницу Филипп вышел из своего офиса, расположенного в конце Маккуори-стрит, и повернул направо, поднимаясь на холм. За спиной у него пролегалась Кольцевая набережная с ее старыми паромными пристанями, вдающимися в Сиднейскую бухту, и мыс Беннелонг-Пойнт, на самом краю которого вздымалось причудливое здание Оперного театра. Как правило, Филипп не отказывал себе в удовольствии полюбоваться окрестностями, но сегодня ему было не до них. Неделя выдалась тяжелой. С самой свадьбы, состоявшейся в прошлый уикенд, Джилли пребывала в столь возбужденном состоянии, что он серьезно опасался за ее здоровье. Он ведь ничуть не возражал против того, чтобы досрочно прервать их вояж в Америку и вернуться в Австралию, дабы поддержать Стефани в ее великий день. Пока он занимался делами в США, Джилли изнемогала от безделья, поскольку не нашла в универсамах «Мейси» и «Блумингдейл» ничего из того, что раньше служило ей утешением, а потому готова была мчаться куда глаза глядят. Неожиданное известие о приближающейся свадьбе Стефани плюс возможность вновь выступить в роли замужней подружки невесты стали долгожданным предлогом для сокрушительных расходов, и в самолет Джилли села, полностью обновив гардероб, причем шляпа ее оказалась настолько большой, что для нее потребовалось отдельное место. Она с радостью предвкушала столь волнующее событие, кое должно было полностью изменить жизнь ее лучшей подруги.

На свадьбе с Джилли явно случилось что-то не то, решил Филипп. Повинуясь внезапному порыву, он свернул налево, на другую сторону Маккуори-стрит, и углубился в Королевский ботанический сад, протянувшийся вдоль крутого обрыва от Сиднейской бухты до Маккуори-Пойнт. У него еще оставалось время до делового обеда, назначенного на Элизабет-стрит, и он позволил себе сначала разобраться в своих дурных предчувствиях. Любой случай, который мог бы вывести Джилли из равновесия, любую ссору или скандал, ставшие причиной ее недомогания, он исключил сразу же – не потому, что это было так уж невозможно (его жена, обладая взрывным темпераментом, легко способна была вспылить, если ее спровоцировать), а потому, что она почти все время пребывала у него на глазах. Он точно знал, с кем беседовала она и кто разговаривал с нею, к тому же она собрала целую коллекцию поздравлений с возвращением и комплиментов по поводу своего наряда. Собственно говоря, Джилли произвела фурор как привлекательная женщина, находящаяся в самом расцвете зрелой красоты, которая точно знает, как следует одеваться, чтобы выглядеть наилучшим образом.

Но что-то ведь все-таки случилось, уныло думал Филипп, проходя через сад и не обращая внимания на цветущие на клумбах вокруг гибискусы и олеандры. С того самого дня Джилли вела себя очень странно, чередуя гнетущее депрессивное состояние и полное безрассудство в стиле «какого черта?». Он знал, что по ночам она лежит без сна, а утром не может встать с постели, и что на этой неделе она отказалась от занятий аэробикой и утренних посиделок за кофе с подругами. Кроме того, его жена стала больше курить и почти напрочь лишилась аппетита. Вне всякого сомнения, с нею случилось нечто такое, что нарушило ее душевное равновесие.

Филипп подошел к границе сада и остановился, глядя на Фермерскую бухту. Впереди лежало Тасманово море, за которым простиралась неизведанная гладь южной части Тихого океана. Развернувшись, он побрел по Аллее королевы Елизаветы, которая протянулась вдоль береговой линии бухты, пытаясь разобраться в своих мыслях. Единственное, что изменилось и что стало полной неожиданностью на свадьбе Стефани, это была сама Стефани. И теперь Филипп не мог отделаться от ощущения, что именно преображение Стефани и стало тем самым событием, с которыми до сих пор не смогла примириться Джилли.

Филипп давным-давно уяснил для себя, что, как и в любых отношениях между лучшими подругами, в дружбе Джилли и Стефани всегда присутствовал элемент зависти или ревности, во всяком случае, со стороны Джилли. Это началось еще в те времена, когда они только-только подружились, задолго до него, и Джилли, даже став взрослой, так и не избавилась от этого чувства. Разумеется, Стефани здесь совершенно ни при чем, учитывая ее доброту и то, насколько сильно она любила Джилли. А вот Джилли так и не смогла простить подруге, что та обладала состоянием Харперов, хотя, Господь свидетель, в отчаянии думал Филипп, у нас самих денег столько, что хватит не на одну жизнь и еще останется. Филипп был преуспевающим сорокалетним холостяком, когда Джилли вышла за него замуж, и с тех пор, будучи адвокатом, отнюдь не бедствовал. А после того как он открыл представительство своей фирмы в США, дела его пошли еще лучше. Даже учитывая экстравагантность Джилли, у них всегда было достаточно средств, чтобы вести чрезвычайно роскошный образ жизни для такой бездетной пары, как они.

Бездетной. Мысли об этом больно ранили его, и тень прошлых переживаний скользнула по его лицу. Он давно смирился с тем, что неизлечимая гормональная патология сделала невозможным для Джилли зачать ребенка. Но она с этим не смирилась. В глубине души Филипп сомневался, что из Джилли получилась бы хорошая мать – она едва ли годилась на столь самоотверженную роль. Он счастливо прожил сорок лет, даже не задумываясь о детях и, помимо редких сожалений, ничуть не страдал от их отсутствия в своей жизни. Но для Джилли подтверждение собственного бесплодия стало таким ударом, от которого она не смогла оправиться. В отличие от нее, у Стефани было уже двое детей – сын и дочь, а с новым мужем она легко могла родить еще. Ей не было еще и сорока, так что она не вышла из детородного возраста и, при условии надлежащего медицинского контроля, могла бы при желании обзавестись не одним ребенком, а даже несколькими. Быть может, именно в этом тайном намерении она и призналась Джилли наверху? И не оно ли стало источником отчаяния для Джилли?

Или же все дело в вещах менее фундаментальных, спросил себя Филипп, дойдя до самой окончательности мыслей и повернув обратно. Джилли была очень эффектной женщиной со своим кошачьим личиком в форме сердечка, широко посаженными глазами, густыми волосами цвета меда и гладким округлым телом, покрытым золотистым солнечным загаром. Способность привлекать мужчин была очень важна для нее – у Филиппа болезненно заныло сердце, когда он вспомнил, как в последнее время ему частенько приходилось закрывать глаза на кое-что происходящее, дабы удержать хотя бы крохи угасающей любви Джилли. Тем не менее в день своей свадьбы Стефани полностью затмила Джилли, даже несмотря на обновки последней. Не столько хорошо подобранный костюм лавандового цвета, сколько искрящееся чувство счастья сделали Стефани не просто хорошенькой или привлекательной, а по-настоящему красивой. Преобразившись внешне, она словно бы давала понять, что нет ничего сверхъестественного в том, что она сумела увлечь собой не просто звезду тенниса, но еще и, насколько мог судить Филипп, на редкость красивого мужчину. Неужели Джилли сочла, что Стефани обошла ее своим вниманием, пусть даже в день собственной свадьбы? Или она восприняла это как личное оскорбление со стороны своей лучшей подруги, гадкого утенка, который на ее глазах вдруг превратился в лебедя?

«Бедная моя, – подумал Филипп в неожиданном приливе сострадания, – как же нам пережить еще и этот кризис?» Ему было свойственно в первую очередь думать о Джилли, а потом уже о себе. Удовлетворение ее потребностей и желаний было для него самым главным. Нет, он не закрывал глаза на ее недостатки, но не мог заставить себя сердиться из-за них. Напротив, они казались ему трогательными и милыми. Ее слабости вызывали у него лишь желание защитить ее, а вспышки раздражения и перепады настроения пробуждали в нем терпение. Он видел ее насквозь, но увиденное не могло убить в нем любовь. В самом начале их отношений он взвалил на свои плечи этот достойный сожаления клубок противоречий, который являла собой Джилли, и до сих пор не видел причины отказываться от него.

На этой мысли Филипп сменил курс, развернулся и решительно зашагал вдоль границы Ботанического сада, а затем через парк направился к площади Сент-Джеймс и Элизабет-стрит. Если дело только в этом, думал он, то я смогу помочь ей. Он принялся ломать голову над тем, как бы развлечь Джилли. Быть может, слетать на Восточное побережье Америки, раз уж поездка в Нью-Йорк оказалась пустой тратой времени? Или устроить экзотический отдых на Папуа? Или Бали? Занятый своими мыслями о Джилли, он не обратил внимания на то, что Марсдены неожиданно рано вернулись после прогулки на яхте. Но сейчас он вспомнил, что на грядущий уикенд запланирована теннисная партия. Джилли придет в восторг, она любит теннис с последующим неспешным отдыхом. Игра, ужин, смех и веселье – вот что ей сейчас нужнее всего. «Теннисная партия, – подумал он, – что ж, отлично. Надо заставить Джилли прийти в себя, и если вся проблема в том, чтобы смириться с изменившимся статусом Стефани, то чем скорее она начнет привыкать к нему, тем лучше». Решив, что с теми догадками, коими он располагает, больше все равно ничего придумать нельзя, Филипп поспешил на свой деловой обед.

Пока Филипп Стюарт мерил шагами Королевский ботанический сад, ища покоя для своей мятущейся души, на другой стороне Маккуори-стрит, в штаб-квартире корпорации «Харпер Майнинг» Грег Марсден испытывал необычное довольство собой и жизнью. Он еще до свадьбы знал о том, что Стефани готовит щедрый брачный контракт, дабы обеспечить ему финансовую независимость и сохранить его достоинство. Но лишь совсем недавно ему стало известно, что она пожаловала ему должность в корпорации и соответствующие полномочия.

– Ты войдешь в совет директоров, дорогой, – сообщила она ему. – Пришло время нам влить свежую кровь в старые меха.

Грег пришел в полный восторг. Теперь ему нет нужды кланяться этим старым консерваторам, которыми окружила себя Стефани, – он с возмущением вспомнил щекотливую встречу с финансовым директором компании перед самой свадьбой и его явное недовольство теми суммами, кои он должен был предоставить в распоряжение Грега. Теперь он перестал быть чужаком, и с этого момента им придется считаться с ним, если они не хотят нажать себе неприятности.

И потому на встречу с Биллом Макмастером Грег отправился в приподнятом расположении духа, чувствуя себя вполне уверенно. Прибыв заранее, он без особого труда отыскал для роллса свободное местечко за углом и поднялся на самый верх небоскреба Харпер-билдинг, где располагалось сердце корпорации. Сейчас он сидел в приемной генерального директора, с одобрением поглядывая вокруг. Со вкусом подобранная первоклассная обстановка имела для Грега большое значение. И поэтому, в отличие от многих других посетителей, он оценил и серо-синий ковер с густым ворсом, прекрасно сочетающийся с красновато-оранжевым оттенком удобных кресел, и бледно-розовый тон атласной драпировки на стенах, и солидные столы и двери красного дерева с золотой отделкой. Он старательно избегал смотреть на симпатичную секретаршу, охранявшую доступ в кабинет Билла, – сейчас не время открывать охоту на смазливых кошечек, сказал он себе, хотя и знал, что она не сводит с него глаз и ждет лишь малейшего сигнала, чтобы завязать беседу. Вместо этого он попытался читать «Файненшл таймс», готовясь к роли будущего бизнесмена.

– А, Грег! Вы уже здесь? Заходите. – Билл Макмастер был не из тех боссов, что звонят своим секретаршам, приказывая им привести посетителей, и предпочитал сам приветствовать их.

– Как поживаете, Грег?

– Хорошо, спасибо. А вы?

– Лучше не бывает. – Билл провел Грега во внутреннее святилище, наслаждаясь, как бывало всегда, тем впечатлением, которое производило убранство его кабинета на тех, кто попадал сюда впервые.

Отсюда, из орлиного гнезда «Харпер Майнинг», расположенного на сороковом этаже небоскреба, открывался один из красивейших видов в Австралии. Из окон была видна вся Сиднейская бухта, Харбор-Бридж и Оперный театр, занимавший центральное место великолепной картинке. Справа, во влажном воздухе, над зданием Ассоциации животноводов и производителей зерна Нового Южного Уэльса вяло колыхались британский национальный флаг и стяг Австралии. Далеко внизу автомобили, похожие на яркие игрушечные машинки, сновали взад и вперед по скоростной Кэхиллской автостраде, а в гавани в гордом одиночестве попыхи-вал дымом медленно ползущий куда-то буксир.

Настроение у Билла было таким же радужным, как и утреннее солнце, пускавшее зайчики на серебристой поверхности воды.

– Ну что, нравится вид? – коротко рассмеялся он, видя, что Грег замер с открытым ртом.

– Фантастическое зрелище!

– В этом заключается одно из главных достоинств должности директора-распорядителя. Этот угловой кабинет достается ему вместе с назначением. Не знаю, что буду делать без этого вида, когда выйду на пенсию.

– Что ж, нам придется разрешить вам забрать с собой мост, только и всего. – Грег чутко уловил настроение Билла и постарался на мажорной ноте начать их зарождающееся деловое сотрудничество.

– Что, эту старую вешалку? Нет уж, пусть остается там, где ему самое место. Хотя я буду скучать по нему.

– А кто говорит о пенсии? По-моему, «Харпер Майнинг» будет нуждаться в вас еще долгое время.

– Конечно. Что ж, присаживайтесь, Грег.

Билл подошел к буфету красного дерева и открыл дверцу, за которой обнаружился встроенный холодильник.

– Выпьете чего-нибудь?

– Пива, если можно. Благодарю.

Оба мужчины несколько мгновений молча наслаждались холодным пенным напитком, после чего Билл приступил к делу.

– Давайте немного поговорим о вас, Грег, – посмотрим, как вы можете влиться в предприятие, после того как стали членом семьи. Вы когда-нибудь занимались, – Билл едва сдержался, чтобы не сказать «настоящей работой», но вовремя спохватился, – чем-нибудь еще, кроме тенниса?

– С тех пор как мне исполнилось двенадцать – нет, – сопроводив свои слова мальчишеской улыбкой, признался Грег. – Но в наше время, разумеется, теннис давно превратился в бизнес, и потому приходится управлять собой как деловым предприятием. Единственный недостаток, правда, состоит в том, что все ваши ценные бумаги, активы и основной капитал заключены в одном теле, и растяжение сухожилия, связки, любое слабое место может выбросить вас из бизнеса.

– Но тем не менее вы составили себе капитал, – пустил пробный шар Билл.

– Да, разумеется. Но вы же понимаете, что призовые деньги за победу на Уимблдоне – жалкие гроши, а на доходы от славы не проживешь. То же самое и с Ролан-Гарросом. Американцы предлагают наилучшие условия, но все равно это не то, что можно назвать настоящими деньгами.

Билл сидел молча, слушая, как Грег и дальше развивает эту тему. Ему было очевидно, что суммы, которые оказались в распоряжении Грега благодаря выигрышам или различным формам спонсорской поддержки, вряд ли для него были «жалкими грошами» – эти деньги оказались в достаточной мере «настоящими», чтобы позволить ему вести роскошный образ жизни, поощряя свои крайне дорогостоящие привычки и вкусы. Будучи разборчивым в питье, Билл

по собственному опыту знал, что большинство из зарубежных вин и в подметки не годятся австралийскому вину, и теперь, слушая философствования Грега по поводу иностранных вин, он понял, на что был потрачен весьма внушительный капитал Грега – бездарно растранижен, так ничему и не научив своего бывшего владельца.

«Тем не менее он еще достаточно молод для того, чтобы учиться, – размышлял Билл, – нужно только подобрать ему подходящую нишу». В данный момент для корпорации Грег представлял собой выгодный актив хотя бы в силу громкого имени – отдел по связям с общественностью умирал от желания выпустить пресс-релиз под заголовком «Победитель Уимблдона вошел в состав “Харпер Майнинг”» и выставить Грега на всеобщее обозрение на всевозможных публичных и благотворительных мероприятиях, кои являлись неотъемлемой частью деятельности компании. Он должен был стать своего рода приманкой, вызывающей доброжелательное отношение к корпорации и укрепляющей ее репутацию. Впрочем, эффект от таких вещей ожидался кратковременный. Следовало подыскать для него нечто более основательное, нежели роль мистера Кудесника. Да и с той невероятной победы на Уимблдоне минуло уже несколько лет.

– Итак, есть у вас какие-либо идеи относительно того, в каком качестве вы могли бы быть нам полезны, Грег? – осведомился наконец Билл. – Возможности для этого имеются, причем не только связанные с добычей полезных ископаемых, но и с сопутствующей финансовой деятельностью, плюс, разумеется, все остальные бизнесы корпорации. Какие будут предложения?

– Это вы мне скажите, Билл. – И за неспешным обедом двое мужчин подробно обсудили историю, масштабы и перспективы деятельности компании в разных частях всего земного шара. Наконец после четырех часов пополудни Грег отбыл из расположенного в пентхаусе головного офиса компании, переполненный всевозможными сведениями о тех бизнесах компании, кои заинтересовали его в качестве сферы возможного применения его талантов. Спускаясь к своей машине и вклиниваясь в поток движения на Питт-стрит, он пребывал в приподнятом расположении духа. Бизнес? Здесь нет ничего такого, с чем бы он не справился. Грег был уверен в этом.

То же самое касалось и домашних неурядиц – ничего серьезного, о чем следовало бы беспокоиться. Впрочем, хвалиться тоже было нечем. Он кисло усмехнулся, вспоминая фиаско, случившееся в их первую брачную ночь, когда напряжение Стефани, ее неопытность и отчаянное желание доставить ему удовольствие погубили всякую надежду на сексуальную удовлетворенность обоих. А потом у нее начались критические дни, причем, по ее словам, раньше срока, после чего смятение и боязнь новых разочарований заставили ее окончательно отказаться от попыток наладить их интимную жизнь. «Я женат уже целую неделю, а у меня до сих не было настоящей близости со своей женой, – безрадостно подумал он. – Супружеская жизнь – совсем не то, чем кажется, так недолго и загнуться от неудовлетворенности. Тем не менее все должно наладиться. Не спеши, приятель, и не торопи события. К тому же уикенд принесет долгожданное развлечение – теннисную партию, которую организовала Стефани, а вместе с нею и шанс узнать получше Джилли». – При мысли о ней Грег ощутил хорошо знакомое возбуждение, которое обострилось сексуальным любопытством. Однако он ведь теперь был женатым человеком и должен вести себя соответственно. Поэтому он не преминул сделать остановку по пути домой, чтобы купить для жены букет красных и белых гвоздик, а вечером окружил вниманием и заботой бедную Стефани, которая была умилительно благодарна ему за это.

* * *

Наступил полдень, в небе висело безжалостное палящее солнце, и теннисная партия была в самом разгаре. Грег оказался партнером Джилли в парной игре против Резерфордов, соседей Стефани, обитавших чуть дальше на Дарлинг-Пойнт, в то время как Стефани и Филипп

наблюдали за ними, а Кайзер прикорнул у их ног. Теннисный корт в особняке Харперов был удачно расположен в тени кипарисовых деревьев, посему порывы бокового ветра не мешали полету мяча. Рядом находился огромный плавательный бассейн, где игроки или зрители могли охладиться, когда жара становилась совсем невыносимой. Впрочем, пока что четверо игроков были полны сил и энтузиазма. Апатию проявляли только двое зрителей. В конце концов Стефани не выдержала и первой начала разговор:

– Фил, каково это – состоять в браке с одним и тем же человеком на протяжении шестнадцати лет?

– В этом есть свои стороны, – осторожно отозвался тот, – как плохие, так и хорошие. С Джилли мне, во всяком случае, никогда не было скучно. Разумеется... все могло бы быть по-другому, если бы она могла иметь детей. Кстати, а как идут дела у твоих отпрысков?

– Отлично – оба вернулись в свои школы, пока мы с Грегом наслаждаемся медовым месяцем. Мне очень хотелось хотя бы первые несколько недель провести со своим новым мужем наедине. Но, если говорить о Джилли, я помню, как нелегко ей пришлось в начале вашего брака, когда она только узнала о своем бесплодии. Но, Фил, она уже целую вечность не вспоминала о своем диагнозе.

– Может быть, и не вспоминала. Но она ничего не забыла. Это по-прежнему не дает ей покоя, и она тяготеет этим. Собственно говоря, она меня беспокоит. В последнее время перепады настроения у нее случаются все чаще.

Стефани пристально наблюдала за подругой. Джилли порхала по корту, гоняясь за каждым мячом, оживленно смеялась и явно получала от игры удовольствие.

– Мне она кажется совершенно нормальной, – после долгой паузы заговорила Стефани. – Собственно, она выглядит на редкость счастливой. Я рада, что они с Грегом нашли общий язык. Признаюсь, я немного побаивалась того, что Грег ей не понравится.

– Напрасно, – сухо отозвался Филипп. От внимания брошенного мужа не ускользнуло, как тщательно Джилли готовилась к визиту и какой живой и восторженной она была, когда они прибыли сюда. Он знал, что причиной такой перемены был отнюдь не он сам, и сильно сомневался, что ею могла стать Стефани. С другой стороны, поведение Грега не вызывало подозрений – он отвечал ей всего лишь вежливой любезностью. Как только игра подошла к концу и Резерфорды направились прочь с корта, загородив собой зрителей, ни Филипп, ни Стефани не увидели, как Грег привлек партнершу к себе и наградил ее поцелуем победителя. Однако, едва их губы соприкоснулись, как поцелуй вдруг стал слишком жадным и требовательным для дружеского поздравления. Джилли отпрянула, боясь, что их увидят.

– Мои аплодисменты, партнерша, – невозмутимо сказал Грег. – Вы были неподражаемы.

– И вас поздравляю, – потрясенная, прошептала она. – Как хорошо... было сыграть... с настоящим профессионалом. Хотя я не смогла должным образом оценить ваше мастерство. Я давно не практиковалась.

– Вижу, что мне придется дать вам несколько уроков, Джилли. Частным образом. – Намек был прозрачен и понятен. Джилли почувствовала, как напряглось ее тело, и поняла, что готова клюнуть на приманку. Хотя она упорно не смотрела на него, но видела лежавшую на сетке его загорелую руку, покрытую золотистыми волосками, и чувствовала его запах, поскольку он стоял совсем близко. Ей пришлось сделать над собой усилие, чтобы побороть внезапно вспыхнувшее желание дотронуться до него и не дать ему прикоснуться к себе прямо здесь и сейчас. Она приняла решение не раздумывая.

– Отлично, – ровным голосом проговорила она. – Ваши уроки дорого стоят?

– Очень, – он самодовольно ухмыльнулся. – Зато я – учитель высокого класса. Впрочем, сами увидите.

С видом собственника он небрежно обнял ее за плечи и повел прочь с корта.

– Привет, дорогая, – окликнул он Стефани, – что скажешь об энергичном дуэте Марсден – Стюарт, а?

Стефани смотрела, как идут к ней Грег и Джилли, и лицо ее просветлело. Как хорошо, что Грег получил удовольствие от игры. Когда мысль организовать партию в теннис пришла ей в голову, она сначала даже не была уверена в том, что это хорошая идея, – согласится ли Грег сыграть с неопытными любителями. В конце концов она все-таки рискнула, боясь, что Грег заскучает и ему будет нечем занять себя. Но она не знала, как его развлечь, и была вовсе не уверена в том, что ей удастся сохранить его интерес к себе. Особенно после того, что произошло в их первую брачную ночь.

Стефани почувствовала, как шею и щеки у нее стало покалывать иголочками, и поняла, что краснеет. Чтобы скрыть смущение, она наклонилась и потрепала Кайзера по голове. «Как унижительно, – подумала она, – что в свои сорок лет я знаю о сексе меньше, чем некоторые двадцатилетние. И как случилось, что я умудрилась не ответить на ласки Грега, если люблю его сильнее всех на свете? Может быть, всему виной то, что я люблю его слишком сильно?»

Сердитый румянец заплыл у нее на щеках, когда она вспомнила свои нетерпеливые поцелуи и свои неловкие жесты, когда даже слепому было ясно, что Грегу они неприятны. С той самой первой ночи в ушах у нее молоточками стучало: «Ты – неумелая неудачница», – и ее смятение лишь усиливалось оттого, что критические дни наступили в период удушающей жары.

Единственное, что утешало ее, – это то, как деликатно повел себя Грег. Он проявил доброту и терпение, свойственные скорее мужу с двадцатилетним опытом супружеской жизни, нежели пылкому молодому. Он постарался успокоить и утешить ее, не раздумывая согласился с ее желанием прервать их запланированный круиз и вернуться в надежное укрытие – в особняк Харперов; он охотно отправился на деловую встречу в «Харпер Майнинг», а после принес домой букет цветов, до чего отец ни разу за всю свою жизнь не додумался. Стефани взглянула на Грега, о чем-то болтавшего с Джилли и Резерфордами, и сердце ее преисполнилось любви. «Я обязательно исправлюсь, – с жаром подумала она. – Уроки любви – вот что мне нужно. И я научусь, у тебя и для тебя. Это имеет для меня слишком большое значение, чтобы оно не сработало. У нас все будет хорошо».

Грег поймал ее взгляд и послал ей теплую улыбку. Она почувствовала, как настроение у нее поднимается.

– Прошу внимания, – весело крикнула она всем присутствующим. – Сначала – душ и прохладительные напитки в доме, а потом мы с вами хорошенько пообедаем и выпьем.

* * *

Вскоре после обеда небольшая группа, уютно расположившись в шезлонгах, расслабленно отдыхала на террасе позади дома, наблюдая за тем, как над гаванью, в огненных сполохах оранжевого и красного заходит солнце. Стереомангитола в доме негромко наигрывала «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, и Стефани то и дело принималась мурлыкать легкий мотивчик себе под нос. Она была очень довольна сегодняшней вечеринкой. Джилли пребывала в превосходном расположении духа, а Эстель и Редж Резерфорд старались не отставать от нее, рассказывая шутки и анекдоты. Только Филипп хранил молчание, но ведь он никогда и не был разговорчивым. Внезапно возникла пауза, и тишину нарушил Грег:

– Кто-нибудь еще хочет выпить? – Поднявшись, он подошел к стеклянным двустворчатым дверям дома, ведущим в гостиную, где сразу же у порога стоял столик с напитками.

– Да, пожалуйста. И мне тоже, – протянули ему свои бокалы Эстель и Редж.

– А вам, Филипп?

«Нет, все-таки Грег – замечательный и заботливый хозяин», – радостно подумала Стефани. Казалось, он прочел ее мысли, потому что тотчас же обернулся к ней с ласковой, особенной улыбкой:

– А тебе, дорогая?

– Мне, пожалуйста, минеральной воды.

Грег отправился в гостиную наполнять бокалы.

– Какой славный выдался денек, – восторженно произнесла Эстель. – Знаете, раньше я ведь никогда не играла в профессиональный теннис.

– У меня для тебя новость, крошка, – с присущим ему тяжеловесным юмором обратился к ней Редж, – сегодняшний день не стал исключением.

– Перестань, Редж, – рассмеялась Стефани, – не будь таким мелочным. Эстель отлично играла сегодня и сражалась как могла.

– Точно-точно, – донесся до них из гостиной голос Грега.

– Что ж, я старалась. – Эстель ничуть не обиделась. – Как бы там ни было, вы понимаете, что я имею в виду. Не каждый день доводится играть с экс-чемпионом.

Внезапно воцарилось неловкое молчание, и Эстель, зардевшись, тут же постаралась сгладить конфуз.

– Я сказала что-то не то? – наивно спросила она в замешательстве. – Ой, я вовсе не имела в виду «экс»... я хотела сказать... черт возьми, что же я хотела сказать? – В голосе ее зазвучали нервные нотки. – Кто-нибудь может мне помочь?!

Никто не проявил желания взяться за такую задачу. Из-за дверей показался Грег, держа в руке бокал Эстель. Он улыбался, но в уголках глаз залегли суровые морщинки.

– Вот, возьмите, Эстель. Вы хотели сказать, что прошло уже три года с тех пор, как я выиграл Уимблдон, верно?

– Простите меня, Грег, – пробормотала Эстель.

– Не за что. – И он вновь скрылся в доме.

– Я помогу вам, Грег, – крикнула ему вдогонку Джилли и одним плавным движением поднялась со своего шезлонга. «Что за тупая корова эта Эстель!» – Ей вдруг захотелось поддержать Грега после этого невольного унижения, и она, инстинктивно отреагировав на ситуацию, не раздумывая, направилась к двустворчатым стеклянным дверям.

– Грег – никакой не «экс», – умышленно громко заметила Стефани. – У него пока нет намерений бросать спорт, не правда ли, дорогой?

– Ни за что, – отозвался из гостиной Грег. – Я не могу себе этого позволить. Мне надо содержать жену и детей. – И досадная реплика Эстель утонула во всеобщем смехе.

Джилли вошла в полутемную гостиную. При ее появлении Грег выразительно поднял брови и улыбнулся про себя. Несмотря на то что он был по своей натуре прирожденным охотником и хищником, он мог честно заявить, что еще ни разу не затащил к себе в постель женщину против ее желания. Они всегда должны были сами прийти к нему. И с самого первого момента он не сомневался в том, что Джилли поступит именно так. Он продолжал наливать виски для Реджа, наслаждаясь очередной победой и ощущением собственного превосходства, которое внушило ему появление Джилли.

Джилли остановилась перед ним. Она отчаянно хотела его и потому пустила в ход все свое обаяние в надежде, что он не сможет устоять. Грег улавливал исходящий от нее запах, свежесть волос, видел контуры ее тела под тонким открытым платьем без рукавов. Машинально протянув руку, он провел костяшками пальцев по кончикам ее груди и почувствовал, как ее соски, и без того напряженные, вмиг затвердели от его прикосновения, как нераскрытые бутоны. Он мгновенно испытал возбуждение. Она тихонько ахнула и часто задышала.

– Стеф, – раздался вдруг высокий и довольно-таки гнусавый голос Эстель. Джилли и Грег переглянулись, не в состоянии даже пошевелиться – такое напряжение охватило их. –

Ты никогда не ревнуешь Грега к тем ордам женщин, которые приходят на его матчи не ради тенниса, а чтобы преследовать его самого?

– Да! Разумеется, ревную!

– Стефани, а ты – честная женщина! – с одобрением заявил Редж. – Никаких секретов, да?

– Честные женщины – редкость в наше время.

Стоя в полутемной гостиной, Джилли прекрасно расслышала легкий сарказм Филиппа и поняла, что эта стрела предназначалась ей. Но она была не в силах преодолеть физического влечения к Грегу – она чувствовала, что наконец-то вновь зажила полной жизнью после долгих лет прозябания, и возбуждение горячило ей кровь. Одной рукой Грег небрежно взял бутылку минеральной воды, открыл ее и, громко звякнув горлышком о стенку бокала, стал наполнять его. При этом другой рукой он сдвинул с плеча женщины бретельку платья и потянул вниз лиф, приоткрывая ей грудь. Дыхание ее участилось, и она подняла обе руки, позволяя лифу соскользнуть еще ниже.

Момент был крайне рискованным. Грег ощутил сильнейшее возбуждение. Волоски на его руках и теле встали дыбом, словно наэлектризованные. Он быстро вернул на место бретельку Джилли, отвернулся и мысленно сосредоточился на бытовых мелочах: этой формулой для укрощения своих желаний он в совершенстве овладел еще в юности, когда возникала крайняя нужда срочно избавиться от похотливых мыслей и их нежелательных последствий. Затем, не удостоив Джилли и взгляда, он подхватил напитки для Реджа и Стефани и вновь вышел на террасу. Мгновением позже к остальным присоединилась и Джилли. Филипп, если и заметил опасный блеск в глазах супруги, то не стал это комментировать.

* * *

– Значит, завтра вы отправляетесь в Эдем?

Вечеринка подошла к концу. Резерфорды откланялись час назад или около того, и Филипп вот уже некоторое время безуспешно пытался увести домой и Джилли. Но та не обращала на него никакого внимания, заговорив о том, что занимало ее сейчас больше всего:

– И долго вы собираетесь там пробыть, ребята?

– Месяц, – просияла Стефани. – Одни в дикой глуши. Нет, на ранчо с нами, разумеется, будут Кейти, Крис, Сэм и другие, но на самом деле мы останемся только вдвоем, наедине с динго и бескрайними просторами.

– Грег, вам наверняка понравится Эдем, – с воодушевлением воскликнула Джилли.

– М-м. Я хочу, чтобы он полюбил его так же, как и я, – продолжала Стефани. – Это – единственное место на земле, где я всегда чувствую себя счастливой.

– Дорогая, мне пришла в голову отличная мысль! – Загнанный в угол, Грег решил действовать по наитию. Отчетливо сознавая весь риск, на который шел, он тем не менее дал волю своему порыву. – Почему бы нам не пригласить Филиппа и Джилли присоединиться к нам?

У Стефани округлились глаза – она не в силах была скрыть свою боль и обиду. Грег быстро пошел на попятную:

– Во всяком случае, на последние пару недель?

– Филиппа здесь уже не будет, – бесцветным голосом заметила Джилли. – Скоро он должен будет вернуться в Нью-Йорк.

– В таком случае, давай пригласим одну Джилли. Она может приехать и сама. Ты ведь будешь в восторге, а заодно и снимешь проклятие скуки от пребывания в моем обществе.

Грег обратил на Стефани всю силу своего обаяния. Джилли почувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Она действительно хочет этого?

– Не говорите глупостей, ради всего святого! – взорвалась она. – Это же ваш медовый месяц, в конце концов!

Стефани ответила ей слабой улыбкой. Грег взял ее руку и поднес к губам.

– Наша совместная жизнь, – негромко и искренне проговорил он, – станет одним долгим медовым месяцем. Не так ли, дорогая?

– Ловлю тебя на слове, – нервно отозвалась Стефани.

– Просто я хочу, чтобы рядом с тобой находились двое людей, которых ты любишь сильнее всего, и вообще, чтобы ты была счастлива.

Стефани в душе выругала себя за свой эгоизм и непроходимую тупость. Грег просто заботится о ней. Она попыталась мысленно перенестись в прошлое.

– Господи, мы с Джилли вместе не бывали в Эдеме уже... Ого!

– Целую вечность, – коротко бросила в ответ Джилли, до сих пор не чувствуя уверенности в том, что ей хочется поехать.

– А вы что скажете, Филипп?

– Пусть решает Джилли, – печально ответил тот, понимая, что события вышли из-под его контроля. – Боюсь, мне действительно пора – я привык ложиться рано. А ты возьми такси, Джилли, если хочешь задержаться еще ненадолго.

– Джилли задержится, чтобы выпить с нами на посошок, – гостеприимно заверил его Грег. – Девочки немного посплетничают, пока я выгуляю Кайзера перед сном, а потом я сам отвезу Джилли домой. Так что можете о ней не беспокоиться. – С этими словами он направился к двери, чтобы проводить Филиппа.

– Пожалуйста, приезжай к нам, Джилли. – Стефани приняла решение. Если Грег хочет, чтобы Джилли составила им компанию, то она не станет возражать. Совершенно очевидно, она ему понравилась и теперь сможет развлечь его, если ему станет скучно. Кроме того, Джилли может сыграть с ним в теннис, в отличие от нее самой.

– Ну, я не знаю. – В душе у Джилли боролись противоречивые чувства. Но тут в комнату вернулся Грег и, встав рядом со Стефани, взглянул прямо ей в глаза с насмешливой, провокационной улыбкой. – Что ж... может быть. Ладно, приеду.

Джилли тоже приняла решение.

Глава четвертая

Над выжженным ландшафтом Северной территории несло облако пыли. За рулем лендровера сидел Грег, рядом с ним – Стефани. Позади них, приняв осанку балерины и глядя прямо перед собой, восседала Кейти Басклеин, экономка Эдема, занимавшая свою должность на протяжении вот уже сорока лет. Упрямая и непреклонная поселанка почти семидесяти лет от роду, она сжимала ружье 22-го калибра с таким видом, словно знала, как им пользоваться. Связка убитых кроликов у ее ног свидетельствовала, что так оно и есть.

Плоская, выжженная солнцем равнина протянулась от горизонта до горизонта, и гнетущее однообразие нарушал лишь один-единственный эвкалипт. Грег добродушно поглядывал на тянущиеся заросли вечнозеленых австралийских кустарников. У него было хорошее настроение. Эдем понравился ему куда больше, чем он предполагал. Стараясь не рассердить его, Стефани украдкой наблюдала за ним. Она уже научилась остерегаться его переменчивого расположения духа и избегать провоцировать то, что она называла его темной стороной. Должно быть, в прошлом с ним что-то случилось, решила она. Что ж, со временем он сам ей обо всем расскажет. А ее любовь поможет ему забыть об этом.

И вдруг мотор лендровера чихнул и заглох, после чего машина остановилась на сухой и пустынной дороге.

– Когда ты в последний раз заправляла его, Кейти? – осведомилась Стефани. – У нас закончился бензин?

– Нет, бензомер показывает, что горючее есть, – сказал Грег. – Наверное, воздушный фильтр разболтался. Или в карбюратор попала пыль. Мне придется снять эту штуковину и промыть ее. – Он спрыгнул с водительского сиденья, чертыхаясь себе под нос.

Из-под полей своей потрепанной шляпы Кейти с презрением взглянула на него, а потом вынесла приговор:

– Паровая пробка.

– Это еще что такое, Кейти?

– Паровая пробка – она и есть паровая пробка.

– Не беспокойтесь. – Из-под поднятого капота выглянул Грег. – Я думаю, это – карбюратор.

Кейти выразительно закатила глаза, глядя на Стефани, после чего с удивительным для ее возраста проворством выпрыгнула из джипа, подошла к радиатору и локтем отодвинула изумленного Грега в сторону.

– Образовалась паровая пробка, – многозначительно заявила она. – Ты ехал слишком медленно, что и стало тому причиной. Отойди, я сама все исправлю.

– Кейти прекрасно разбирается в моторах, дорогой, – нервно вставила Стефани. Она настолько боготворила Грега, что не могла допустить, чтобы кто-либо обращался с ним неуважительно. Но последние пятьдесят лет Кейти с одинаковым презрением относилась как к людям, так и к диким зверям, и не собиралась делать исключение для мистера Марсдена.

Склонившись над двигателем, Кейти поковырялась в нем.

– Я была права, – объявила она. – Волноваться не из-за чего. Остается только дожидаться, пока он остынет.

– Удивительно, как это вы до сих пор не открыли авторемонтную мастерскую, – язвительно заметил Грег. С момента знакомства со старушкой он прочувствовал по отношению к себе ее антипатию, и все его усилия очаровать ее потерпели крах. Но она невозмутимо проигнорировала его укол.

– Не беспокойся, сынок, я бы запросто могла ее открыть, – искренне сказала она. – Если бы захотела. Но теперь на этом денег не заработаешь. Сейчас никто не желает работать так, как когда-то пахали мы. Все ищут бесплатную еду или талоны на обед.

Стефани охватили дурные предчувствия. Грег относился к деньгам очень щепетильно и не выносил тех, кто отзывался о них с пренебрежением.

– Давай немного пройдемся, дорогой, – с деланной веселостью воскликнула она.

– Если ты настаиваешь. Но она действительно знает, что делает? – спросил он, когда они двинулись прочь, достаточно громко, чтобы Кейти услышала его.

– Ты всегда можешь положиться на Кейти, дорогой.

– Хорошо. Очень хорошо.

Грег заулыбался во весь рот, игриво подталкивая ее и строя рожицы. Стефани, из последних сил сдерживая смех, сорвалась с места.

– Эффи! – понесся им вслед пронзительный окрик Кейти. – Спрячься под деревом, пока мы не поедем дальше, – солнце обожжет тебе кожу, слышишь?

Молодожены вдвоем направились к одинокому дереву, хихикая, как дети, и в приподнятом настроении достигли подножия огромного эвкалипта. Запыхавшись, Стефани прислонилась спиной к шершавой коре, а Грег остановился перед нею, упершись руками в ствол по обе стороны ее лица. «Как же он красив», – подумала Стефани, с обожанием вглядываясь в его черты. Словно прочтя ее мысли, Грег наклонился к ней, чтобы поцеловать в полуоткрытые губы. Но едва он успел пошевелиться, как позади грохнул выстрел и над головой у него просвистела пуля.

– Господи Иисусе! – Испуг Грега выглядел комично. – Старая гримза... она же могла убить меня.

– Давай будем вести себя прилично, дорогой, – с притворной кротостью предложила Стефани. – Не думаю, что Кейти с пониманием отнесется к нашим амурам на свежем воздухе.

* * *

Стефани искренне радовалась тому, что прислушалась к своему шестому чувству, которое настойчиво посоветовало ей прервать круиз на яхте и поскорее увезти Грега в Эдем. Здесь она всегда обретала покой, и приветливый старый особняк, со своим увитым розами крыльцом и беседками, величественным тенистым садом и убегающей к горизонту холмистой равниной позади, не подвел ее и на этот раз. К тому же здесь Грегу нашлось чем заняться. Он с удовольствием долгими часами играл на корте в одиночестве, а теннисные мячи ему охотно подносили детишки аборигенов, которые жили на ранчо. Он с восторгом обнаружил в Эдеме превосходный плавательный бассейн, хотя тот факт, что Стефани не умеет плавать, чему виной был несчастный случай в детстве, стал для него настоящим открытием. «Нам еще многое предстоит узнать друг о друге, – удовлетворенно думала она. – Что ж, здесь у нас есть для этого и время, и покой».

Но ей, разумеется, пришлось признать, что некоторые вещи в Эдеме не имели для Грега столь же важного значения, как для нее. На местный люд он не обращал никакого внимания, и Стефани чувствовала себя уязвленной оттого, что с аборигенами он заговаривал только затем, чтобы отдать распоряжение. Для Стефани же, напротив, они всегда были частью ее внутреннего мира. Она выросла на их жутковатых рассказах о начале мира в эпоху великого Времени Творения, когда духи предков невозбранно странствовали повсюду, попутно создавая людей, растения, животных, холмы и реки. После смерти отца, когда к ним присоединились и остальные члены племени, Стефани особенно сдружилась с двумя братьями-аборигенами, Крисом и Сэмом. Крис, старший из братьев, в избытке владел сверхъестественным даром своего народа, и она научилась понимать его без слов. Не считая ее самой, Крис был единственным, кто мог

справиться с ее жеребцом Кингом. Могучий скакун, которому исполнилось уже двадцать, пребывал в самом расцвете сил. Именно в нем заключалась веская причина того, что Стефани хотелось вновь и вновь возвращаться в Эдем. Катание на нем было одним из немногих удовольствий в унылом девичестве Стефани, и верный Крис почти всегда точно знал, когда следует оседлать коня для нее, не дожидаясь приказа.

Вот такие мысли роились в голове Стефани, когда она в конце дня решила пройтись по усадьбе. Утомленная событиями дня, Кейти не устояла перед соблазном сделать глоток шерри и отправилась к себе, предоставив Стефани возможность обойти дозором свои владения и убедиться, что в доме все спокойно. Вполне удовлетворенная осмотром, Стефани свернула в длинный коридор и вошла в спальню. Грег отдыхал на огромном ложе Макса Харпера, закинув руки за голову, совершенно голый, и ждал. Стефани окинула его взглядом, полным любви.

– Боюсь, что сегодня вечером у нас будет только такой свет, дорогой, – сказала она и показала на фонарь «летучая мышь», который держала в руке. – Кейти немного нездоровится, а она – единственная, кто хоть чуть-чуть разбирается в генераторе.

– Держу пари, в нем тоже образовалась паровая пробка, – лениво протянул Грег. – Если бы этот генератор работал на шерри, подобно ей, то мы бы не сидели в темноте.

– Грег, пощади ее – Кейти уже почти семьдесят, – со смехом заметила Стефани. Подхватив ночную сорочку и пеньюар, она направилась в ванную.

– Эй, Стеф. – Она остановилась и обернулась. – Иди сюда. – Она с опаской подошла к кровати с его стороны и присела, пристроив фонарь на прикроватном столике, после чего наклонилась, чтобы задуть его. Но Грег помешал ей, положив ей руку на плечо.

– Я хочу посмотреть на тебя, – прошептал он.

Сев на кровати, он расстегнул ей «молнию» на спине, а потом медленно стянул с плеч платье. Затем он бережно поцеловал ее в шею, под ключицу, осторожно откинул с лица тяжелую гриву волос, ласково прикусил зубами мочку уха и пощекотал его языком. Обеими руками он медленно спустил бретельки ее бюстгалтера и с бесконечной нежностью обнажил ее груди.

– Подумать только, – пробормотал он. – Они восхитительны. – Ладони его ощутили их шелковистую гладкость, бережно поглаживая и лаская. Нащупав ее соски, он стал нежно сдавливать их, пока они не набухли, выступив из розовых ореол. Наклонив голову, он обхватил один из них губами и провел языком по его волнистой окружности. В этот момент он почувствовал, как замерла Стефани и как тело ее буквально оцепенело от страха и напряжения.

В нем вдруг закипела бешеная злость. «Черт возьми, да что с ней такое?» – Еще никогда в жизни Грег не занимался любовью с женщиной, которая не жаждала бы его, не дрожала бы от одной только мысли о нем, готовая достичь оргазма при первом же поцелуе. Он научился оттягивать первый быстрый оргазм у женщин, вновь и вновь подводя их к вершине блаженства, поскольку обожал ощущение власти над их мягкими, податливыми телами. Ему нравилось заставлять женщин стонать и, извиваясь при этом в экстазе, вскрикивать: «Пожалуйста! Еще! Еще! Только не останавливайся!» Однако ощущать под рукой напряженное тело женщины и видеть в ее глазах страх, совсем как сейчас, было для него нестерпимо.

Но ненависть способна иногда стать топливом для так называемого акта любви, а Грег привык добиваться своего. С величайшим терпением он помог Стефани избавиться от одежды, уложил ее на кровать и пошел навстречу ее желаниям, задув лампу. Пустив в ход все свои навыки и умения, он принялся исследовать ее тело, ловко лаская клитор и настойчиво приоткрывая ее плотно сжатое узкое влагалище, пока, наконец, уже сам пребывая на грани, не подготовил ее до такой степени, что она готова была принять его перенапрягшийся член, после чего содрогнулся и с разочарованием излился в нее. В такие моменты ему всегда было хорошо, даже сейчас. Но сердце его осталось холодным.

Стефани лежала рядом с ним на кровати, снедаемая горечью и разочарованием. Ее разбуженная сексуальность, так и не найдя выхода, терзала и мучила ее. Но хуже всего было то,

что к ней вернулись прежние страхи: я – не женщина! Она уставилась в потолок, пытаясь справиться с собой и обуздать собственные чувства. В конце концов она заговорила:

- Прости меня. Прости меня.
- Я уже говорил тебе...
- Я знаю.
- Спи.
- Я люблю тебя, Грег.
- И я люблю тебя. Все нормально.

Цепляясь за эти вечные слова, не желая верить в их обман, Стефани провела еще одну бессонную ночь.

* * *

С воздуха заметить Эдем было очень сложно. Единственное обитаемое местечко на сотни миль вокруг, оно представляло собой крохотную песчинку на плоской красной равнине, простирающейся во все стороны, насколько хватало глаз. Но пилот двухмоторного самолета «Бичкрафт Кинг Эйр» уже прилетал сюда несколько раз, и маленький самолетик при полном безветрии без особого труда добрался до места назначения.

– Вот она! Летит! – предупрежденная Крисом, Стефани уже была готова к прибытию Джилли и, когда самолет приземлился, радостно выбежала навстречу подруге.

– Как поживаешь, Джилли? Ты не представляешь, как я рада тебя видеть. Теперь все будет просто замечательно!

Джилли выпрыгнула из самолета прямо в распростертые объятия Стефани. За спиной подруги она увидела Грега, неспешно шагающего из дома ко взлетной полосе, чтобы приветствовать ее, и улыбнулась:

- Да, дорогая, я тоже на это надеюсь.

Несколькими часами позже, когда дневная жара спала и наступивший вечер принес с собой разноцветные и сочные краски заката, Стефани и Джилли сидели бок о бок в розовом саду. Стефани рассеянно крутила в руках только что сорванную темно-красную чайную розу, а воздух был напоен дурманящим ароматом лета.

– Знаешь, Джилли, – мечтательно заговорила она, – если у меня и были сомнения относительно того, почему Грег женился на мне, то теперь они рассеялись.

Джилли замерла.

- Что ты имеешь в виду?

– Он так меня любит! А еще он умеет превратить жизнь в настоящий праздник. Он окружил меня своей заботой и по-настоящему пытается сделать счастливой. Ни за что не угадаешь, что он придумал учинить для нас, пока ты будешь здесь.

- Что же именно?

– Он устраивает охоту на крокодилов.

- Что? Фантастика! Но я думала, что ты...

– Не смогу убить живое существо? – с вымученной улыбкой закончила ее мысль Стефани. – Да, это правда. Но ведь Грег не знал об этом, когда планировал охоту. Эта идея ему настолько приглянулась, что у меня не хватило духу лишить его такой возможности развлечься.

Крокодилы. По телу Джилли пробежала дрожь возбуждения и страха.

- И где он сейчас? – осведомилась она, стараясь, чтобы голос ее прозвучал ровно.

– Пытается связаться с Дарвином по радио, чтобы нанять для нас проводника. Судя по всему, хороших среди них – раз, два и обчелся и они все нарасхват.

- По радио? То есть телефона здесь по-прежнему нет?

– Отсюда слишком далеко до цивилизации. Так что нам остается лишь доброе старое педальное радио с ножным приводом – сама видишь, ничего не изменилось!

– И когда же состоится охота?

– Как только Грег окончательно обо всем договорится. Он не мог поверить, что я столько лет прожила в непосредственной близости от места обитания крокодилов и ни разу там не бывала. Он пришел в такой восторг, что теперь ждет не дожидается этой экспедиции.

– А ты, Стеф?

– Я... – Стефани вздохнула. – Эти твари приводят меня в ужас. Но... полагаю, влюбленная женщина сделает для своего мужа что угодно.

– Да. Наверное. Что угодно.

* * *

Заходящее солнце раскрасило небо над Эдемом в кроваво-красные и золотистые тона. На землю опустилась ночь, и обитатели дома один за другим отправились на покой в свои комнаты, выходящие окнами на тенистую веранду, окружавшую дом с трех сторон. За двустворчатыми стеклянными дверьми, ведущими в комнату Джилли, промелькнула чья-то тень и исчезла. Теплый воздух был неподвижен. Дом спал.

В конюшне по другую сторону загона оживился Кинг и стал беспокойно переступать с ноги на ногу – из своего стойла он почуял в ночном воздухе незнакомый аромат, который встревожил его. Человек, находившийся рядом с ним, произнес несколько слов на местном языке аборигенов:

– Гвандалан, йарраман, бана нато, барра. Тихо, тихо, лошадка, я тоже слышу его.

Снаружи послышалась чья-то почти беззвучная поступь, дверной проем на мгновение загородила мужская фигура, затем человек проскользнул внутрь. Тихо ступая, он прошел в заднюю часть постройки, где у стены было сложено сено, и слился с темнотой, растворившись в ней. Вскоре вновь раздались чьи-то шаги, и в проеме показалась женская фигурка. На мгновение приостановившись у входа, она шагнула в темноту и повернулась лицом к двери, словно поджидая кого-то. Мужчина беззвучно приблизился к ней сзади и одним быстрым движением грубо прижал ее к себе.

– А-а-ах! Грег... – вырвался у Джилли едва слышный вздох.

Света в конюшне не было. Но Крис, выглянув поверх деревянной стенки стойла Кинга, прекрасно рассмотрел Грега, который застыл, прижимая к себе Джилли. Крис неторопливо вышел из стойла, зная, что звук его шагов заглушит возня Кинга и других лошадей. Он также знал, что нетренированные глаза белых ничего не смогут рассмотреть в темноте, в отличие от него самого. Одна тень слилась с другой, когда Крис покидал место встречи любовников. И лишь животным предстояло стать свидетелями первородной драмы, что вот-вот собиралась разыгаться в их обиталище.

Грег обеими ладонями обхватил груди Джилли из-за спины и тут же почувствовал ее уже набухшие от желания соски. Дразнящим жестом он провел руками вдоль ее тела, а потом пальцами скользнул по треугольнику внизу ее живота. Под его прикосновениями она мелко задрожала. Оторвавшись от него, она развернулась к нему лицом и жадно впиалась ему в губы первым поцелуем. Грег ощутил, как ее ловкий язычок стремительно проник к нему в рот, и острый укол наслаждения пронзил его насквозь. Вот ее пальчики скользнули к поясу его джинсов, опустились ниже, и он ощутил, как кровь наполнила его член, когда она бережно провела по выпуклому холмику, становившемуся все больше под ее рукой. Следующим движением она взялась за пуговицу на поясе его джинсов.

– О нет, не спеши, – прошептал он, стискивая зубы от наслаждения. Подхватив ее на руки, он уверенно зашагал в темноту в дальнюю часть конюшни. Он опустил ее на сложенные

вязанки сена, издающие дурманящий аромат, и она, притянув его к себе и взяв его лицо в ладони, принялась страстно целовать его снова и снова, исследуя своим язычком его рот. Он ответил ей тем же, просунув собственный язык так глубоко, что от наслаждения у нее закружилась голова. Оттолкнув его, она принялась расстегивать его рубашку, а потом просунула ладони под нее, чтобы ощутить его тело, которого так жаждала. Грег откинулся на спину и восторженно засмеялся во весь голос, когда Джилли принялась ловко ласкать его соски, разжигая в нем огонь наслаждения, покрывая его грудь легкими и невесомыми поцелуями, а потом и покусывая своими беленькими зубками то здесь, то там. Разве можно было сравнить такое искусство с жалкими попытками замороженной селедки Стефани!

Чувствуя нарастающее в нем желание, Грег потянулся к шелковой накидке и стянул легкую ткань с ее плеч. От прикосновения сильных мужских пальцев к своей груди у Джилли перехватило дыхание и, высвободив руки из пеньюара, она одним прыжком уселась на него сверху и сползла ниже, ему на бедра. Ощувив его напряженный член между своих ног, она задрожала. Он накрыл ее груди обеими ладонями и принялся уверенно поглаживать их, то зажимая большими пальцами ее соски, то вновь отпуская их, пока она, обезумев от страсти, не схватила его за руки и с силой прижала к своим грудям, а сама принялась тереться бедрами об его большой и напряженный пенис, распирающий джинсы изнутри. Она умело двигалась взад и вперед, все убыстряя темп, нарастающий в такт ее возбуждению, пока по его учащенному дыханию не поняла, что и он уже на пределе.

– Ах ты, похотливая маленькая ведьмочка! – Грег не мог поверить в скорость своего возбуждения. Взяв ее за бедра, он одним движением опрокинул ее на копну сена. Вцепившись в широкий пояс, который до сих пор удерживал пеньюар на ее талии, он освободил Джилли из складок тонкой и гладкой ткани, после чего принялся изучать все впадинки и выпуклости ее тела. Он свел ее груди вместе, покусывая зубами сначала один сосок, потом другой, медленно отпуская их губами по очереди. Затем он перенес все свое внимание на, к полному его удовлетворению, увлажнившийся и покрывшийся женскими соками холмик у нее между ног, шелковистые волоски на котором уже трепетали капельками желания. С мучительной медлительностью он принялся ласкать ее клитор и вдруг, ощутив приближение ее оргазма, внезапно остановился и негромко рассмеялся.

– Ты... ты – паршивец! – Остановленная на самом краю нирваны, Джилли содрогнулась всем телом и затихла. Но вот, выпрямившись, она стащила рубашку у него с плеч и расстегнула молнию на джинсах. Стянув их до колен, она высвободила его напряженный член и взяла его обеими руками. Господи, он был невероятно восхитителен. Джилли так давно представляла себе этот миг, что реальность потрясла и ошеломила ее. Он весь был прекрасен! Желание вновь накрыло ее с головой, когда она наклонилась и очень бережно поцеловала головку его пениса, а потом стала покрывать его поцелуями во всю длину, ощущая сильный и безошибочный запах мужчины. Яички у него тоже оказались потрясающими, твердыми и тяжелыми. Она по очереди взяла их в руки, а потом начала ласкать их губами, чередуя поглаживания с любовными покусываниями. Затем она вновь передвинулась к головке его члена и проглотила его, доведенная едва ли не до потери чувств безостановочными движениями рук Грега и близостью пика наслаждения. Наконец он сел, нависая над нею, опрокинул ее на спину и вонзил в нее свой член, проникнув в нее до самого естества. Продвигаясь все быстрее и быстрее к своему первому и долгожданному оргазму, они вместе достигли высшей точки блаженства, а потом, уже обессиленные, затихли, слившись воедино.

Много позже, насытившиеся и довольные, они стали перешептываться хриплыми и срывающимися голосами, в то время как лошади беспокойно копошились в своих стойлах, встревоженные близостью возбужденных человеческих тел.

– Знаешь, а ты чертовски сексуальна!

– О, Грег, я больше не могла сдерживаться ни минуты.

– Мне тоже не доставало тебя.

– Мне казалось, что я умру. Грег... мне невыносима мысль о том, что ты прикасаешься к ней.

«Мне тоже», – безжалостно подумал Грег.

– Это продлится недолго, – сказал он.

– Я так сильно люблю тебя. И что мы будем делать?

– Доверься мне, крошка. Просто верь. Хорошо?

А на дальней стороне ранчо, сидя у костра и глядя в огонь, Крис почувствовал, как в крошечной темноте зарождается таинство извечного зла, расцветая в душном и влажном воздухе.

* * *

– Ну, Джилли, чем мы будем развлекать тебя в Эдеме? – встревоженно осведомилась Стефани в попытке рассеять необычайно угрюмую, как ей показалось, атмосферу, царившую за завтраком. Напротив нее, по другую сторону стола, сидел мрачный Грег, погружившись в собственные мысли, пока Джилли, нервная и рассеянная, разливала кофе. Роскошный завтрак, приготовленный для них Кейти, явно не вызывал у нее ни малейшего аппетита.

Тревога охватила Стефани еще вчера вечером, за ужином, когда Грег и Джилли обменялись едва парой слов. С проникательностью, порожденной любовью и чувством опасности, Стефани заметила, что они избегают смотреть друг на друга, а если их взгляды и встречались, то оба поспешно отводили глаза и резко меняли тему разговора. Стефани, не будучи опытной хозяйкой, пришлось приложить массу усилий, дабы разрядить напряженную атмосферу, и к ней вернулись ее прежние страхи. «Я так и знала, что они не найдут общего языка, – мысленно убивалась она. – Я вижу, что оба пытаются подружиться, потому что знают, как это важно для меня, но у них ничего не получается». Ее страхи подтвердились, когда Джилли под явно надуманным предлогом мигрени пожелала лечь пораньше, а Грег так долго обходил перед сном дом и все дворовые постройки, что ей стало ясно – он не может заснуть, бедняжка. «Неужели Джилли так сильно действует ему на нервы? – обеспокоилась Стефани. – Она ведь только что приехала».

– Развлекать меня? – пожалуй, чересчур резко отозвалась Джилли. – Не забивай себе голову такой ерундой. В Эдеме есть чем заняться. Я... сама найду себе развлечение! – Глядя прямо перед собой, она невпопад рассмеялась.

– Что ж, у нас есть прекрасный бассейн... можно отправиться на увлекательную прогулку... да и в библиотеке полно хороших книг, и они полностью в твоем распоряжении, – жизнерадостно сообщила ей Стефани. Но сердце у нее болезненно сжалось, потому что, хотя сама она любила Эдем за возможность расслабиться и просто отдохнуть, она не могла тешить себя надеждой, что столь неприятное времяпрепровождение придется по вкусу утонченной Джилли. И тут ей в голову пришла спасительная мысль:

– Да, и не забудь о теннисном корте! Я-то – полная неумеха, и потому кто-нибудь должен выбраться туда, чтобы дать нашему чемпиону возможность потренироваться!

– Стефани, перестань суетиться! – Грега лишь подстегнул тот факт, что обожание и любовь на лице супруги сменились болью и обидой, и он продолжал: – Сегодня с утра хлопочешь, как заботливая наседка. Что с тобой такое? Джилли – уже большая девочка, – Стефани заметила, как при этих словах губы его плотно сжались, – и она вполне может сама позаботиться о себе, разве нет?

– О да, Грег, я знаю. Я всего лишь... – Голос у нее сорвался, и она умолкла.

Грег с неприязнью уставился на нее. «Господи, когда она сидит вот так, глядя на свои руки и заламывая их на коленях, то выглядит как школьница, а не как взрослая женщина». Все ближе узнавая Стефани в Эдеме, где она могла быть самой собой и повела себя естественнее,

он впервые заметил, какой наивной простушкой она была, и это открытие ему не понравилось. Ему пришлось зубами выгрызть право войти в мир больших состояний, гламура и привилегий, и потому та, которой все это было принесено на блюдечке с голубой каемочкой еще в детстве, а она отбросила эти вещи за ненадобностью, вызывала у него глухое раздражение. А ведь она могла бы стать лидером среди сливок общества, с презрением думал он. Но теперь он понял, что подобное качество попросту отсутствовало у нее как таковое. Увы, но ему придется отказаться от мысли, которую он лелеял еще до того, как они поженились, что ему удастся превратить ее в достойную спутницу Грегга Марсдена, элегантную, ухоженную, изящную светскую львицу. Крах этой маленькой мечты он воспринял как личное оскорбление, которое ему было трудно простить Стефани.

Снедаемый мрачными мыслями, он взглянул на другую сторону стола, где сидела Джилли. Вот это – живое олицетворение того, какой должна быть настоящая женщина. Уверенная в себе, хладнокровная, умная и сексуальная (о да, непременно сексуальная!), организованная и обладающая самодисциплиной. Грег едва сдерживался, чтобы не улыбнуться, но все же сумел сохранить на лице выражение оскорбленного раздражения.

Даже в такую рань, сидя за столом в домашнем халате, без макияжа, подставив лицо безжалостным солнечным лучам, Джилли выглядела потрясающе. Он исподтишка пристально наблюдал за нею, глядя, как она отщипывает крошечные кусочки рогалика и подносит их ко рту. Нервные, беспокойные движения ее пальцев и блеск маленьких белых зубок возбуждали его. Джилли вдруг подняла голову и поймала его взгляд. Между ними сверкнула молния, которую тут же постарался погасить Грег – осторожность заставила его покоситься на Стефани. Та по-прежнему сидела, глядя на свои руки, и Грег ощутил прилив гнева: на себя – за то, что ведет себя как школьник, опасаящийся, что его застигнут за чем-то недозволенным, и на нее, потому что она могла повелевать им. «Будь ты проклята, Стефани», – подумал он. В голову ему вдруг пришла мысль: «Эх, если бы у меня не было необходимости спать с нею». Тем временем Стефани решила забыть о собственных обидах и сосредоточиться на тех, кого любила.

– Извините, если я показалась вам обоим назойливой, – с открытой улыбкой сказала она. – Но я по-прежнему считаю, что вам неплохо бы сыграть в теннис друг против друга – это будет лучше, чем мучиться со мной. Почему бы вам не отправиться на корт сегодня утром, пока не стало слишком жарко?

* * *

Дни потянулись своей чередой, и, к великому облегчению Стефани, Грег и Джилли, казалось, начали понемногу ладить друг с другом. Тем не менее до полной гармонии было еще далеко. Она не могла не замечать неловкости, возникающей сразу же, стоило им троим оказаться вместе, внезапных пауз, беглых взглядов, не могла не чувствовать напряженной атмосферы. Она винила себя из-за того, что не может заставить их подружиться, и нашла выход в том, чтобы дать им возможность как можно больше времени проводить наедине, дабы они лучше узнали друг друга. Как же она бывала довольна и даже счастлива, когда стала замечать, что после игры в теннис, прогулок, поездок по ранчо или в местные салоны красоты они возвращались оживленными и дружелюбными, и лишь в ее присутствии становились чопорными и напряженными. Со своим комплексом самоуничижения Стефани не находила в этом ничего странного. С такими людьми, как Грег и Джилли, остроумными, привлекательными и интересными, скучная и неуклюжая Стефани ощущала себя третьей лишней, как бывало с ней всегда.

Впрочем, было и еще кое-что, кое-какие странности, над которыми она ломала голову бессонными ночами и которым не могла найти объяснения. Например, она знала, что, в отличие от нее самой, Грег с пренебрежением относится к аборигенам, жившим на ранчо. Она вынуждена была признать, хотя и с некоторой грустью, что у него не находится для них вре-

мени и что он никогда не захочет познакомиться поближе с их образом жизни и не сможет даже попытаться усвоить их мудрость. Но теперь, похоже, в нем стала проявляться жгучая и иррациональная ненависть к ним. Однажды, когда Грег и Стефани собирались отправиться на верховую прогулку после того, как Джилли объявила, что молодожены должны больше времени проводить вместе, иначе она начнет чувствовать себе кукушонком в их гнездышке, Стефани попросила Криса оседлать для них лошадей. В назначенный час супруги вышли из дому и, перейдя конный двор, направились к конюшне, где их уже поджидал Крис, держа под уздцы Кинга, огромного вороного жеребца, который в его умелых руках вел себя с притворной сдержанностью. Рядом стоял Сэм, держа на поводу длинноногую гнедую, на которой предпочитал ездить верхом Грег. Утро выдалось прекрасным, буш манил своими неизведанными просторами, и Стефани была на седьмом небе от счастья, предвкушая, что на протяжении следующих нескольких часов Грег будет принадлежать ей одной. Но, когда она приняла уздечку у Криса и уже собиралась подняться в седло, ее приподнятое настроение мгновенно развеялось при первых же звуках гневного голоса Грега.

– Чего ты уставился, черт бы тебя побрал?

Стефани в тревоге оглянулась. Рядом с нею молча стоял Крис, холодно глядя на Грега.

– И ты, недоумок! Ты куда смотришь? – По непонятной причине теперь гнев Грега пал на Сэма, хотя тот и застыл в неподвижности рядом с лошадей.

– Вы, оба! Марш работать! Ленивые твари, только и знаете, что слоняться весь день без дела, глаза по сторонам...

– Грег! – Стефани никогда не осмелилась бы возмутиться, если бы Грег набросился с упреками на нее, поскольку малейшее облачко на его челе приводило ее в ужас, но она не могла допустить, чтобы он на ее глазах понапрасну оскорблял двух ни в чем не повинных братьев. Склонившись к шее своего коня, она негромко заговорила с Крисом на его родном наречии, дабы извиниться за неприятный инцидент и пообещать, что ничего подобного более не случится. И, хотя взгляд его оставался, как бывало всегда, дружеским и понимающим, в нем появилось нечто такое, чего Стефани не смогла уловить, – жалость, быть может? Сэм, ранее бывший куда словоохотливее брата, тоже хранил молчание и отчужденность.

– Ты готова, Стеф?

Оклик Грега, напоминавший, скорее, приказ, донесся до нее с середины двора, где он, осадив свою лошадь, с презрением смотрел на супругу, пока она разговаривала с Крисом и Сэмом. Поспешно попрощавшись с ними, она прищпорила коня, и за ограду они выехали вместе. Грег был погружен в мрачные мысли, пытаясь овладеть своими чувствами. Садясь на свою лошадь, он вдруг поверх ее загривка увидел лицо Криса. Когда взгляды их встретились, Грег прочел в глазах аборигена то, что его привело в замешательство. «Он все знает! – молнией промелькнула у него в голове мысль. – Этот ублюдок знает обо мне и Джилли!» Он не стал думать о том, как такое могло случиться. Хотя Грег и был горожанином, но, подобно всем австралийцам, он много слышал о странных и сверхъестественных способностях аборигенов, их интуиции и знаниях. Что дало Грегу крайне неприятную пищу для раздумий лишь по одному вопросу: расскажет ли он обо всем Стефани?

Но пока что он ей ничего не сказал, в этом Грег был уверен. «Не спеши и хорошенько обдумывай каждый свой шаг, – сказал он себе, стремясь подавить нарастающую в нем панику, – она пока еще ничего не знает». Та Стефани, которую он узнал в Эдеме, никогда не смогла бы вести двойную игру, которая удастся некоторым женщинам, скрывающим, что знают о неверности своего супруга, и ведущим себя как ни в чем не бывало, чего бы им это ни стоило, в надежде, что любимый все-таки вернется к ним. Нет, Стефани по-прежнему безумно любила его и ни о чем не подозревала.

Но тут Грегу впервые пришла в голову мысль о том, что ее неведение все же не может длиться вечно. Подобно любому беспринципному мужчине, Грег затеял роман с Джилли,

потому что она просто подвернулась ему под руку. Он и подумать не мог, чтобы случайная связь, сколь бы чертовски приятной она ни была, может стать серьезной угрозой его положению. Зато теперь он ясно понял, что пустяковая, на его взгляд, интрижка с точки зрения Стефани выглядит совсем по-другому. Его роман станет тем единственным, чего она простить никогда не сможет. Слепленная любовью, она могла бы смириться с чем угодно – начиная от потери белого роллса и заканчивая банкротством «Харпер Майнинг». Более того, ему сошла бы с рук любая другая неверность, он не сомневался в этом. Но подобная измена, когда он нарушил супружескую клятву, едва успев дать ее, да еще предательски уложив в койку ее лучшую подругу, – разве можно ожидать от женщины, что она способна простить такое?

При мысли об этом Грег pokrылся холодным потом. Хотя совсем еще недавно он буквально купался в лучах мнимой безопасности, сейчас он чувствовал себя так, словно стоял на краю пропасти. Если только Стефани узнает обо всем... Риск, на который он отважился и который только вчера придавал такую остроту и пикантность его тайным эскападам с Джилли, теперь представлялся ему неоправданным и ужасающим. Потерять разом все, что он только что обрел... Грег был знаком со Стефани всего несколько недель, даже не месяцев, но уже успел привыкнуть к ее богатству и роскошному образу жизни, кои теперь казались ему само собой разумеющимися. И если он вдруг лишится их... Ему стало дурно от страха, но он попытался взять себя в руки и придумать способ, который помог бы ему выпутаться из западни, в которую он угодил по собственной воле.

Они ехали рядом, и Стефани то и дело метала украдкой встревоженные и полные любви взгляды на Грега, надеясь вырвать его из пучины невеселых размышлений. Но Грегу никак не удавалось отмахнуться от внезапно проснувшихся страхов, и за все время прогулки они практически не обменялись ни словом. «Да что же его так тревожит, – в отчаянии спрашивала себя Стефани. – Ах, если бы только знать!»

Пожалуй, именно оттого, что она поняла – Грег лишился душевного спокойствия, то есть того единственного, что мог предложить ему Эдем, – Стефани старалась во всем угодить ему. Она и раньше опасалась перечить ему из страха навлечь на себя его неудовольствие или гнев. Но теперь она не находила в себе сил возразить ему. Даже когда видела, что он неправ.

А тут еще вскоре после той злополучной верховой прогулки в их быт неожиданно-негаданно вторгся внешний мир, когда на кухне внезапно захрипел и пробудился к жизни древний радиопередатчик. Это пытался связаться со Стефани Билл Макмастер, чтобы переговорить с ней. Ее спешно призвали, отыскав у плавательного бассейна, где она наблюдала за тем, как резвятся в воде Грег и Джилли.

– Стеф? Это Билл. Послушай, мне чертовски неприятно, что я нарушаю ваш медовый месяц...

– Все в порядке, Билл. Слушаю тебя.

– Понимаешь, тут намечается небольшая заварушка, и я хочу, чтобы ты была в курсе. Мне нужно, чтобы ты дала четкие распоряжения, как нам следует поступить. Мой информатор из одной крупной брокерской конторы сообщил мне, что на продажу вот-вот собираются выбросить значительное количество акций «Харпер Майнинг».

– Наши акции на рынке? С чего бы это? – Уголкем глаза Стефани заметила, что Грег вслед за нею вылез из бассейна и теперь подходил к радиопередатчику, роняя капли и отряхиваясь, чтобы взять запасной комплект наушников и послушать, о чем идет речь.

– Просто стечение обстоятельств, ничего особенного, на курс акций это не повлияет, – заверил ее Билл. – Но, как мне думается, мы не хотим, чтобы именно сейчас на рынке гуляли наши акции.

– Да, это нам не нужно. – Стефани стала обдумывать варианты, на ее лице отразилась задумчивость. – Для нас сейчас жизненно важно сохранить уверенность в непоколебимости позиций компании, поскольку наши новые проекты находятся пока на этапе неопределенности.

– Да, кстати, то пробное бурение пока что обернулось ничем. – Сквозь треск помех донесся голос Билла, сообщающий последние новости, пока Стефани принимала решение.

– Насколько я понимаю, ты хочешь купить их?

– Да, хочу. Это обойдется нам недешево, разумеется, поскольку сейчас акции ценятся высоко – у меня есть последние цифры, если они тебе нужны, – но даже при этих тратах мы не отстанем от других.

– А позже, если понадобится, мы можем выбрасывать их на рынок небольшими порциями, чтобы вновь восстановить капитал без риска обесценивания акций или утраты доверия к компании. Да, ты прав, Билл. Покупаем.

– Стеф! – К изумлению Стефани, Грег наклонился и щелкнул тумблером радиоприемника, переводя его с передачи на прием. Глаза его сверкали, и впервые за много дней он ожил. – Эй, Стеф, давай я сам займусь этим, хорошо?

– Что ты имеешь в виду, Грег?

– Ну ты же сама мне говорила, что я должен заняться настоящим делом в «Харпер Майнинг», – весело заявил Грег. – А не только исполнять роль твоего, с позволения сказать, постельного партнера. А это – мой первый шанс! Разреши мне самому принять решение за тебя – за нас обоих, дорогая.

Стефани была ошеломлена. Сердце ее готово было растаять от благодарности за его выражение любви и веры в их будущее. Но вопрос был важным, а Грег был так неопытен во всем, что касалось бизнеса. И пока она сидела, собираясь с мыслями, повисшее между ними молчание вновь нарушил сердитый треск, сквозь который донесся голос Билла:

– Алло, Стеф? Стеф? Ты меня слышишь?

Грег преспокойно переключил тумблер:

– Привет, Билл, это Грег. Этим вопросом теперь занимаюсь я. Мы не станем покупать – иначе нам придется выложить слишком много живых денег, которые понадобятся нам на развитие производства – у меня есть кое-какие собственные мысли на этот счет. Мы должны позволить рынку самому достичь равновесия. При этом акции «Харпер» не упадут в цене. Для этого мы слишком сильны. Кроме того, активная скупка заставит акции даже подскочить в цене.

На другой стороне приемника воцарилось грозное молчание. Наконец Билл заговорил:

– Соедините меня со Стеф на минутку, хорошо?

– Он хочет еще раз поговорить с тобой, – сообщил Грег трепещущей Стефани, на мгновение прервав связь с Сиднеем. – Ты ведь поддержишь меня, дорогая, а? – Он ласково улыбнулся ей.

– Грег... я... – Стефани была совершенно уверена, что он ошибался, ошибался глупо и нелепо, принимая такое решение исключительно для того, чтобы пойти наперекор ей и Биллу, и доказать, что его слово тоже что-нибудь да значит. – Все не так просто, – выдавила она наконец. – Если наши акции...

– Я хочу, чтобы ты поддержала меня, Стеф, – перебил он ее. Голос его по-прежнему оставался ровным и приятным, но лицо посуровело, а во взгляде проглянула угроза. – Иначе...

– Ох, Грег... – жалобно простонала она, и Грег понял, что победил. Он тут же переключил радиопередатчик на Билла, который, не веря своим ушам, в немом изумлении выслушал сбивчивые указания Стефани о том, что поступить следует так, как предлагает Грег. Его протест был недвусмысленно отклонен, и в довершение всего он был еще и вынужден, скрипя зубами, выслушать целую лекцию от Грега насчет внутренних механизмов фондовой биржи и важности умения рисковать в бизнесе.

Но в конце концов у Билла не осталось иного выхода, кроме как подчиниться. Несмотря на всю свою значимость для Стефани, он был всего лишь наемным работником, пусть даже и директором-распорядителем, тогда как она являлась владелицей и председателем совета

директоров компании. Так что, если таково ее желание – если оно действительно было таким, – ему не оставалось ничего иного, кроме как выполнить его. Что Билл и сделал, но оно стало одним из самых трудных в его деловой практике. Потому что, хотя теоретически Грег мог оказаться прав, Билл, подобно Стефани, нутром чуял, что консервативный метод был бы куда выгоднее.

Не прошло и суток, как он был отомщен за свое согласие. Когда акции вышли на рынок в количестве, которого никто не ожидал, их появление, вкупе с естественной нервной возбудимостью фондовой биржи, привело к стремительному развитию кризиса доверия к их компании. Остальные инвесторы ударились в панику и поспешили избавиться от акций «Харпер Майнинг», так что их курс начал падать, правда, на короткое время. Постепенно безупречный имидж корпорации взял свое, и акции, при помощи надлежащих действий третьей стороны по скупке, которые Билл благоразумно организовал по собственной инициативе, устояли и пошли вверх. Тем не менее компанию здорово потрясло, чего у Билла не случилось еще ни разу за всю его карьеру предпринимателя. Кроме того, она понесла весьма существенные убытки: были потеряны время, деньги и, самое плохое, была испорчена безупречная деловая репутация, восстанавливать которую предстояло очень долго. При таких потерях Билл с радостью предпочел бы ошибиться в своих прогнозах.

Когда новости об этом достигли Эдема, Биллу не было нужды растолковывать их Стефани. Обладая многолетним опытом, она и сама могла осмыслить их до мельчайших подробностей. Потеря капитала и лица причинила ей почти физическую боль – за те годы, что она проработала в ней, корпорация стала очень дорога ей, и ущерб, причиненный ей, она восприняла как личную трагедию. Но еще сильнее она переживала из-за того, что лицо потерял и Грег, приняв скороспелое решение и стремясь не столько принести пользу, сколько произвести впечатление. Но она была не в состоянии злиться на него, даже сознавая, что его промах поставил под угрозу их будущее. Зато Грегу хватило совести разозлиться и на нее, и на Билла, и на всех остальных, за исключением себя самого.

– Ты так и не ввела меня в курс дела! – разбушевался он, когда дурные вести достигли Эдема. – Ты просто забила в угол, словно испуганная мышь, и ничего мне толком не объяснила! А этот твой Макмастер – должно быть, он что-то напутал там, в Сиднее, раз все обернулось из рук вон плохо. Из-за него мы потеряли чертову кучу денег. Господи! Вот что, Стефани, так дальше продолжаться не может. У меня должны быть развязаны руки. У меня складывается впечатление, будто я боксирую одной рукой, а вторая привязана у меня за спиной. Когда мы вернемся, все должны понять, что у меня – серьезные намерения, и ты должна показать им, что я шутить не склонен!

Даже не глянув в сторону ошеломленной Стефани, Грег в бешенстве отправился на поиски Джилли – он знал, что там его ждет теплый прием, в отличие от Стефани с ее виноватым взглядом покорной коровы. Вместе с Джилли они отправятся прокатиться по окрестностям на лендровере, якобы для того, чтобы полюбоваться видами дикой природы, а на самом деле для того, чтобы в который раз обсудить основополагающий для обоих вопрос: что им делать дальше? Джилли испытывала к Грегу столь глубокое и поистине маниакальное влечение, коего доселе не вызывал у нее ни один мужчина. Не будь она так ослеплена своими чувствами, то наверняка заметила бы, что Грег проявляет лицемерие и неискренность, строя планы на их совместное будущее. Много, очень много горя и страданий можно было бы предотвратить, если бы она вовремя сообразила, что в голове у Грега панически вертится один-единственный вопрос: «Что мне делать?» – и что он стремительно приближается к той черте, за которой куда более сильные и крепкие мужчины начинали совершать непростительные и ужасные поступки.

* * *

– Вот он! – Яркий луч поискового прожектора разрезал тропическую ночь. Пойманный им огромный крокодил на мгновение замер, но потом, рванувшись всем телом, свалился с берега и скользнул в воду. Тяжелое копьё лишь оцарапало его шкуру, а сам он уже скрылся из виду.

– Мы его потеряли, мерзавца этакого!

Охота на крокодилов была в самом разгаре. В большом каноэ, нагруженном охотничьими принадлежностями, находились проводник Джо Ридер, его сын Мальк и абориген по имени Денни. Стефани в самый последний момент передумала участвовать в ловле, но Грег и Джилли не отказались и сейчас сидели позади троих охотников.

– Опять! Вон там! Достань его, Мальк.

Прожектор высветил еще одного крокодила, скользящего в мутной воде. Держа копьё наготове, Мальк швырнул его и угодил аллигатору в бок. Смертельно раненный, крокодил забился в агонии, разевая пасть и пытаясь вырвать гарпун своими жуткими клыками.

Завидев, как сверкнули белые и острые как бритва зубы, Грег ощутил прилив возбуждения, подобного тому, который он испытывал, когда они с Джилли занимались любовью. И без того уже взбудораженный опасной охотой, при виде исполинских размеров чудовища он расплылся еще сильнее, опьяненный его жестокостью и его невероятной жаждой убийства. И теперь он подался вперед, напряженно глядя туда, где, повинувшись коротким командам Ридера, его помощники набросили петлю на челюсти крокодила. Но даже при этом борьба была еще далеко не окончена. Тварь взмахнула хвостом, явно целясь в Малька. И лишь молниеносное вмешательство Денни, проворно подставившего под удар тяжелый шест, спасло парня от смерти.

– Го-о-осподи Иисусе! – в ужасе прошептал Грег. Ридер только насмешливо фыркнул.

– Да, этот гребнистый людоед может сожрать что угодно, даже его, – сказал он, с любовью глядя на сына, который вместе с остальными занимался тем, что вытаскивал крокодила из воды и привязывал его к длинной доске. – Главным образом, он ест рыбу. Но не побрезгует и крабами, кенгуру, домашним скотом и даже буйволами. А еще людьми. Они готовы наброситься на кого угодно, когда голодны. А в этом сезоне у них повальный голод. Нападения крокодилов в этом году участились настолько, что это нам теперь грозит исчезновение, а не им.

Грег задумчиво кивнул.

– Этот готов, отец. Будем ловить еще?

Ридер вопросительно взглянул на Грега:

– Ну как, на сегодня хватит или вы желаете заарканить еще одного?

Грег перевел взгляд на Джилли – глаза ее сверкали, и он почувствовал, какое напряжение и возбуждение она испытывает.

– Почему бы нет? – жизнерадостно отозвался он. – Почему бы и нет?

* * *

А в лагере, лежа на походной кровати, Стефани не находила себе места. Куда же они запропастились? Она не сожалела о внезапном решении оставить Эдем и отправиться на сафари в пойму Аллигаторовой реки. Грег и Джилли были полны энтузиазма, который захватил и ее. Кроме того, она надеялась, что приключение заставит Грега забыть о своей первой неудачной попытке порулить компанией «Харпер Майнинг», и он вновь улыбнется ей и станет милым и заботливым – ей отчаянно хотелось угодить ему. Несмотря на все свои тревоги, она получила удовольствие и от поездки, и от жизни в лагере на расчищенном берегу рядом с соленым устьем широкой реки, окруженным со всех сторон густыми зарослями кустарника. В

общем-то, она любила кочевую жизнь, любила ночевать под открытым небом, купаться в реке, развешивать белье для просушки на импровизированной веревке и вести домашнее хозяйство на природе. После выжженной солнцем пустынной местности вокруг Эдема, парковый заповедник Какаду являл собой разительный контраст со своими прибрежными болотами, эвкалиптовыми лесами, причудливыми вертикальными обнажениями песчаника и девственными лагунами, покой которых с начала времен нарушали одни лишь крокодилы.

Но вот убийство животных... это она ненавидела. Доставшаяся ей от матери доброта побуждала ее подбирать и защищать любое брошенное на произвол судьбы создание, и ее естество инстинктивно восставало против их убийства. Восхищение же, которое вызывала у Грега охота на гигантских рептилий и их смерть, позволило ей заглянуть в такие мрачные глубины его души, что ей становилось страшно при одной только мысли об этом. О господи, что же ей делать?

* * *

Наконец она услышала, что они возвращаются. Она поспешила им навстречу, и тут же из тени молча вынырнул Крис и подошел к берегу, чтобы помочь привязать каноэ и выгрузить добычу. Ридер же радостно приветствовал ее:

– Миссис Марсден! Идите и взгляните на то место, где один из них прокусил нам борт. И едва не сожрал при этом моего сына и наследника!

Из каноэ тем временем выгружали одного крокодила за другим. Стефани с содроганием отметила, какие они все огромные.

– Вы полагаете, что это большие? Здесь есть один гребнистый крокодил, которого прозвали Джинди Бару. Не советую встретиться с ним темной ночью! Семьдесят лет от роду, двадцать футов в длину – я гоняюсь за ним уже много лет. Говорят, он съел уже семерых.

– Джо, – слабым голосом запротестовала Стефани, – от ваших рассказов у меня мурашки бегут по телу.

– С тобой все будет в порядке, дорогая. – К ним присоединился Грег, настроение которого после ночной охоты заметно улучшилось. – Я позабочусь о тебе.

– Но вы все-таки будьте поосторожнее, – предостерег его Ридер. – Станете чересчур самоуверенным – и окажетесь у крокодила в брюхе.

– Грег, дорогой. – Стефани сделала глубокий вдох. – Давай больше не будем убивать... пожалуйста... ладно?

Грег улыбнулся:

– Не волнуйся, Стеф. Я придумаю нам развлечение получше.

* * *

В сумерках того же дня Стефани, прижимая к груди кинокамеру, сидела на носу каноэ, которое пробиралось через болота. Она испытывала настоящее блаженство и была на седьмом небе от счастья. Грег все-таки любит ее. Он устроил эту прогулку не для того, чтобы охотиться на аллигаторов, а чтобы снять великолепный закат. Он решил взять ее с собой, несмотря на возражения Ридера. Стефани слышала, как Грег спорил с ним, и тот яростно протестовал против намерения Грега править лодкой, в то время как вот-вот должно было стемнеть. Затем он разозлился на Криса, который должен был подготовить каноэ. Каким-то загадочным образом абориген попросту проигнорировал распоряжение Грега, что выяснилось только тогда, когда отправляться в путь было уже почти поздно. Но Грег сумел уговорить обоих.

Солнце садилось в зареве желтого, оранжевого и коричневого пламени, пылающего на горизонте. Деревья по обеим сторонам, силуэты которых четко вырисовывались на фоне мрач-

ного неба, выглядели грозными великанами, зловещими и злобными. За спиной Стефани в лодке вздрагивала от страха Джилли. Ее настолько сильно влекло к Грегу, что она не переставала изумляться тому, что Стефани до сих пор ничего не заметила. Так дальше продолжаться не может, в отчаянии думала она, метнув взгляд на Грега, который сидел на корме, управляя рулевым веслом. Он скользнул по ней невыразительным взглядом, погруженный в собственные мысли.

Узкая протока стала шире, когда они вошли в широкую лагуну. Темная мутная вода, подобно маслу, неслышно расступалась перед носом лодки. Виднеющиеся тут и там неподвижные силуэты обозначали присутствие зловещих обитателей устья. Время от времени приподнималось тяжелое веко на закрытом пленкой глазу – свидетельство того, что внутри силуэтов тлеет жизнь. Но Стефани не замечала ничего вокруг, она пристально всматривалась в линию горизонта и далекие очертания деревьев. Разрыв в их чередке стал естественным обрамлением буйства закатных красок, ежеминутно меняющихся в фантастическом калейдоскопе цветов.

– Нет, вы только посмотрите! Взгляните вон туда. Мы не могли бы остановиться здесь, Грег? – Стефани в волнении потянулась за своей камерой и, когда каноэ остановилось, быстро прицелилась видоискателем в сверкающий закат. Восторженно воскликнув что-то, она встала во весь рост, чтобы запечатлеть особенно захватывающий кадр.

– Ох, дорогой, какая прелесть, какая потрясающая красота... – Она не услышала, как Грег встал со своего места, прошел мимо Джилли и шагнул к ней, остановившись у нее за спиной. И вдруг внимание Стефани привлекло легкое движение в воде.

– Грег! О боже, это же крокодил! Какой огромный! Наверное, это – тот самый Джинди Бару, о котором рассказывал Ридер!

Жуткая рептилия направлялась напрямиком к каноэ, вперив в нее бесстрастный взгляд блестящих черных глаз.

– Грег... – Стефани едва успела обернуться, как уже в следующий миг ощутила сильный толчок между лопаток. Перелетев через борт, она с шумом рухнула в воду, подняв фонтан брызг, и камнем пошла на дно.

Ее охватила паника. Беспорядочно размахивая руками и ногами, она глотнула воды вместо воздуха и почувствовала, как сжались у нее легкие. Но женщина все-таки сумела вынырнуть на поверхность и дико закричала.

– Грег!

До нее донесся другой женский вопль, жестоким эхом вторящий ее собственному: – Стеф! Стеф! Стеф!

Захлебываясь собственным криком, Стефани отчаянно рванулась к лодке. Она видела, что на носу в неподвижности застыл Грег, пребывая в странном возбуждении, с горящими бледным огнем глазами, чего она никогда не замечала в нем ранее. В этот миг она поняла по его лицу, что творится в его душе и какую судьбу он ей уготовил.

– Джилли... Джилли, помоги мне! – Она обратила взор на подругу, которая, охваченная ужасом, беспомощно сидела посередине лодки.

Крокодил схватил ее сзади, сомкнув гигантские челюсти на ее руке и плече. Его зубы пробороздили ей одну сторону лица и шеи, и кровь хлынула из зияющих ран.

– А-а-а! – Широко раскрыв глаза, Стефани медленно скрылась под водой в фонтане кровавой пены, куда утянула ее гигантская рептилия.

Внезапно Джилли высвободилась из парализующих объятий ужаса. Вскочив на ноги, она мертвой хваткой вцепилась в Грега:

– Грег, ради всего святого! Она ведь не умеет плавать!

Но Грег даже не шелохнулся. Джилли в отчаянии схватила лежавший в каноэ шест и перегнулась через борт, тыкая им рептилию туда, куда могла дотянуться. Всхлипывая и ругаясь, она сражалась за жизнь Стефани, пока не почувствовала руку Грега на своем плече. Он

отшвырнул ее на дно лодки, вырвал у нее из рук шест и кинул его за борт. Затем он спокойно взял в руки ружье и хладнокровно развернулся лицом к воде.

Крепко сжав жертву челюстями, крокодил трепал тело Стефани из стороны в сторону. Ее голые ноги летали по воздуху, словно водоросли, окровавленное лицо время от времени показывалось из воды, как у выходца с того света, а в глазах застыли нечеловеческая мука и боль. Крики ее становились все глуше, а отчаянные взмахи и рывки – все слабее. Наконец, повинаясь заложенному в нем инстинкту, крокодил увлек ее на дно. Когда погас последний луч заката, вспыхнув напоследок алым светом, Стефани скрылась из виду в водовороте взбаламученной грязи и крови. Все было кончено. Тьма накрыла воду и сушу. Грег неторопливо повернулся и опустил магазин ружья, выстрелив в воздух.

* * *

– Ах ты, подонок! – В лагере Ридер плакал от ярости. – Чертовы любители, я же предупреждал вас...

– Ридер, я потерял свою жену! – По возвращении Грег быстро поднял тревогу. – Мы лишь напрасно теряем время. Она может быть еще жива. Что мы можем сделать?

– Вызови Дарвин по радио. Но спасатели доберутся сюда не раньше утра. Жива? Если ты действительно любишь свою жену, приятель, – Ридер умолк, тяжело дыша, – то молись о том, чтобы она умерла поскорее.

В ночной тиши не было слышно ни единого звука или шороха, и лишь в буйных зарослях полыхал священный костер, разведенный Крисом, пламя которого должно было привлечь и согреть дух Стефани, где бы он сейчас ни странствовал.

Глава пятая

На следующий день солнце взошло с трудом, будто нехотя, казалось, оно было умыто кровью и смутно просвечивало сквозь тяжелые клубы тумана, поднимавшегося над болотами. Ридер со своими охотниками встали еще до рассвета и занялись подготовкой лодок и прочего снаряжения для поисков. Им предстояла совсем другая охота, лишенная какого-либо удовольствия или возбуждения. Все обитателей лагеря, за исключением двоих, мрачно покорились необходимости проявлять активность. В своей палатке ничком лежала Джилли – она почти беспрестанно плакала, кричала и разговаривала сама с собой с тех самых пор, как Грег привез ее обратно минувшим вечером, и потому явно была не в состоянии присоединиться к поисковой группе. Крис, несмотря на открытые угрозы и оскорбления со стороны Ридера и Грега, не поддавался на уговоры оставить свой костер, который он разжег ночью, и с непроницаемым видом сидел перед ним на корточках, подбрасывая в него веточки, чтобы тот не погас.

Едва только первые лучи рассвета забрезжили на угольно-черном небосводе, Грег с небольшой группой выступил на поиски. Ему не терпелось отправиться на разведку, и он не желал слушать ничьих возражений.

– Ты должен быть здесь, когда придут спасатели, – уговаривал его Ридер. – Ты должен показать им точное место, где произошел несчастный случай, чтобы они могли определить зону поиска.

– Ридер, я хочу первым найти свою жену, – заявил ему Грег с таким чувством, что Ридер ни на миг не усомнился в его искренности. – Ты сам расскажешь им о том, откуда надо начинать. Я буду стрелять в воздух из ружья через равные промежутки времени, чтобы дать тебе ориентир, куда двигаться. Я не могу сидеть сложа руки, понимаешь?

На том они и порешили. Ридер сочувствовал Грегу, даже несмотря на свою уверенность в том, что тот сам навлек несчастье на свою голову. А еще он был вынужден признать, что сидеть в лагере, ожидая, пока рейнджеры Национального парка Какаду, поисковые команды и добровольцы небольшими группами и поодиночке придут к месту сбора, было действительно попросту невыносимо. Кроме того, постоянные причитания и завывания той женщины, а также угрюмое безмолвное бдение чернокожего малого способны были свести с ума кого угодно. Ежась от холода, удрученный Ридер подумал, что Грег извлек наибольшую выгоду из их нынешнего положения, но это не вызывало у Джо никакой зависти.

День был уже в самом разгаре, когда власти в Дарвине смогли оказать сколь-нибудь существенную помощь тем, кто оказался в этом богом забытом уголке.

К полудню Грег вернулся, прочесав лагуну, в которой исчезла Стефани, и всю прилегающую местность. Он был неимоверно грязным и валился с ног от усталости, а на встревоженный вопрос Ридера ответил лишь безнадежным пожатием плеч. Руководитель поисковой группы несколько не сочувствовал человеку, чье вопиющее дилетантство привело к смерти женщины, о чем ему в подробностях рассказал Ридер. Но он не видел смысла и в том, чтобы добывать лежачего, и потому его общение с Грегом свелось к скудным вопросам относительно точного местонахождения лодки в тот момент, когда Стефани упала за борт. Тем временем злой и всем недовольный Грег отправился передать сообщение по радио, которое откладывал до последнего момента.

* * *

– Билл! Билл! Что-то случилось?

Воскресенье давно стало самым любимым и ожидаемым днем в семействе Макмастеров. Все знали, что «Харпер Майнинг» отнимает у Билла все рабочее время, зачастую прихватывая вечер и даже часть субботы, но воскресенье было неприкосновенным, оставаясь домашним праздником, непреложность которого была для Билла свята, тем более что его семья, в сущности, была совсем маленькой. Не считая самого Билла и его супруги Рины, третьим ее членом был их горячо любимый сын – юный Том.

Рина заподозрила неладное, когда Том вбежал на кухню в гордом одиночестве. Обед был уже почти готов, а сын обладал здоровым мальчишеским аппетитом, но обыкновенно ничто не могло заставить его по доброй воле оторваться от отца. Том боготворил Билла и не отходил от него ни на шаг. Посему он просто обязан был воспользоваться воскресеньем по максимуму, дабы запастись общением с ним на всю предстоящую неделю.

Рина обнаружила Билла сидящим неподвижно на диване в гостиной. Телефонная трубка негромко пикала у него в руке. Она подбежала к нему, подхватила трубку, прежде чем та упала на пол, и вернула ее на аппарат. Лицо его посерело, а в глазах стояли слезы ужаса. Рина еще никогда не видела мужа в таком состоянии и, хотя все родные были рядом, живые и здоровые, в сердце к ней закрался неосознанный страх.

– Что... случилось? – выдохнула она, схватив его за руку, чтобы приободрить и утешить. Билл, кажется, начал понемногу приходить в себя и взглянул на нее так, словно увидел впервые в жизни.

– Ты не поверишь, – оцепенело пробормотал он и с силой потер лицо ладонями, вытирая слезы. – Ты не поверишь...

– Ох, Билл, скажи мне... что? что?

Но Билл так и остался сидеть, словно внезапно оглох, качая головой и тупо повторяя одну и ту же фразу:

– Ты не поверишь, когда узнаешь... ты не поверишь...

* * *

Только на второй день на место трагедии удалось доставить глиссеры. Если не считать медлительных плоскодонок, это были единственные суда, на которых можно было передвигаться по заиленной воде, и у Ридера полегчало на сердце, когда он увидел, как эти грациозные галеоны двадцатого века скользят по болотам. Настроение у него несколько улучшилось от одного вида умелых пилотов-операторов, слух которых от рева мощных двигателей защищали толстые наушники, – если кто-нибудь и сможет найти ее, так только они. Кроме того, из «Харпер Майнинг» сегодня должна была прибыть какая-то большая шишка, дабы возглавить спасательную операцию, да и с других территорий края должны подтянуться еще люди. «В общем, надежда остается, – подумал он. – Я еще не сдался».

Он почувствовал себя еще лучше, когда Грег занялся «той женщиной», как он про себя окрестил Джилли. Он не знал, что именно у них произошло, но вчера вечером после заката, когда поиски пришлось прекратить, Грег вошел к ней в палатку с бутылкой, а когда вышел оттуда спустя некоторое время, то ее безумные вопли прекратились впервые за последние двадцать четыре часа. «Хорошая работа, приятель», – сказал Джо Грегу, но тот лишь отмахнулся и ушел. «Что ж, это вполне естественно», – философски подумал про себя Ридер. Правда, немного погодя Грег сменил гнев на милость и уведомил его, что собирается отправить отсюда Джилли первым же самолетом, после того как ее супруг вернется в Сидней, или же Филипп сам приедет в Дарвин, чтобы забрать ее.

– Она даже не в состоянии сейчас переставлять ноги без посторонней помощи, – потихоньку сообщил Ридер своему сыну Мальку. – Так что чем быстрее он отправит ее отсюда, тем лучше.

День казался бесконечным. Глиссеры ходили кругами вокруг места трагедии, с каждым разом расширяя зону поисков, но пока так ничего и не обнаружили. Ридер, которому вконец осточертело торчать в лагере, отрядил сына занять место в качестве координатора поисковых работ, а сам отправился с одной из групп, которая возвращалась на розыски после недолгого отдыха. Несколько часов они медленно продвигались вперед, заглядывая под каждую корягу, проверяя каждый омут длинными шестами, бродя по мелководью, переворачивая каждое бревно и каждый листочек. Ничего. Солнце клонилось к закату, а вместе с ним с каждой минутой таяла и уверенность Ридера. И когда на смену красочного заката, озаряющего полнеба, следующего после того фатального, на съемку которого отправилась несчастная Стефани, пришла тьма, Ридер сдался. Вернувшись в лагерь, он встретил Грега, отправляющегося на поиски с очередной командой. Ни один из них даже не подумал о чем-либо спросить другого. В глубине души оба понимали, что надежда умерла.

– Значит, это конец, папа? – спросил Мальк, которому Ридер излил душу.

– Для бедняжки – да, несомненно, – угрюмо отозвался тот. – Продолжать поиски нет смысла. То, что они теперь ищут, уже нельзя назвать женщиной – это будут останки... или кости.

* * *

Предрасветный туман низко клубился над рекой, расползаясь меж деревьев. Хрипло закричала спросонья какая-то пичуга. Полускрытая клочьями тумана, чья-то фигура пробиралась по заболоченной местности на плоскодонке, отталкиваясь шестом от илистого дна. Дейв Уэллс, старатель и волк-одиночка, вот уже много лет жил отшельником в этих краях. Гости никогда не беспокоили его. Он просто хоронился, выжидая, пока они не отбудут восвосяи. Но теперь он отправился на промысел, прихватив с собой охотничье снаряжение и рыболовные снасти, валяющиеся всегда на дне лодки.

Вдруг на дальнем берегу его внимание привлекло какое-то красное пятно, выделяющееся на фоне коричневой глины. Изменив курс, чтобы подойти поближе, он услышал впереди тяжелый всплеск и заметил, как в воду скользнул большой крокодил, у которого явно проснулся интерес к тому же самому предмету. Подплыв ближе, Дейв разглядел небольшой холмик, покрытый грязным илом реки с ярко-алыми потеками, а поблизости, к своему ужасу, виднелось нечто, похожее на человеческую руку. К этому же месту и примерно с такой же скоростью приближался и крокодил. Удвоив усилия, старик первым добрался до неподвижного тела. Это была женщина, в которой с трудом можно было распознать человеческое существо. Она лежала лицом вниз на мелководье, откинув в сторону руку со скрюченными пальцами, впившимися в ил в том месте, где она выбиралась из воды, прежде чем потерять сознание.

Дейв в отчаянии принялся вытаскивать ее из ила, который уже начал засасывать ее тело, напрягая свои жилистые мышцы, и наконец освободил ее из вязкого плена.

– А ты сегодня обойдешься без завтрака! – заорал он крокодилу, который уже выбрался на узкую полоску берега и, переваливаясь, заковылял к ним. Задыхаясь, старик с трудом перевалил женщину через борт и, прыгнув следом в лодку, оттолкнулся шестом от берега.

– Не волнуйся, девочка, – обратился он к неподвижной фигуре. – Старый Дейв знает что делает. С тобой все будет в порядке.

– Ну, поехали! – Дейв балагурил всю дорогу до своей хижины, притаившейся в самом сердце этого всеми забытого края, хотя и не мог сказать со всей определенностью, жива его находка или нет. Только после того как он с трудом затащил ее внутрь и осторожно срезал обрывки одежды, все еще висевшей лохмотьями вокруг ее тела, он начал лелеять слабую надежду, что она не мертва. По мере того как разгорался день и восходящее солнце согрело его хижину, тело женщины утратило свой мертвенный холод, и он нащупал у нее на

запястье едва уловимый пульс. Дейв удовлетворенно сдвинул на затылок потрепанную шляпу. Она жива. Вот и хорошо.

Выпрямившись, он взял с полки фонарь «летучая мышь», зажег его и повесил на потолочной балке прямо над кроватью, на которой лежала женщина. При его золотистом свете он отыскал старую жестянку, открыл ее и выудил оттуда кетгут и большущую иглу. Несколько мгновений он молча всматривался в женщину, и в его пронизательных голубых глазах светилась жалость. Затем он принялся за дело. Лучше закончить его прямо сейчас, пока она пребывает без сознания. Наклонившись, он бережно и с величайшей осторожностью стал сшивать вместе ошметки порванной и изуродованной кожи.

– А-а-а! – Она вздрогнула, застонала и вскинула руку, чтобы схватить его за плечо. Дейв, не обращая на это внимания, продолжал заниматься своим делом.

– Держись, девочка, держись, – шептал он. – Осталось немного. Старина Дейв все сделает как надо, не волнуйся.

Наконец дело было сделано. Усевшись, он потер уставшие глаза. Затем поднялся, сунул руку в кувшин подле кровати и щедро смазал ее раны густой желтой мазью. Задолго до того как он закончил, она вновь провалилась в беспамятство. Позволив мази высохнуть, он осторожно укрыл ее, по-матерински подоткнув одеяло, и еще долго сидел рядом, пока и его не сморил сон.

Стефани так никогда и не узнала, сколько времени провела на грани между жизнью и смертью, то выныривая из беспамятства, то вновь проваливаясь в него в тумане боли. Далеко не сразу она сообразила, что чья-то жилистая рука осторожно поддерживает ей голову, поднося ко рту питье, а потом разглядела и исполненное доброты лицо, которое время от времени появлялось перед ее взором, и ощутила рядом с собой чье-то надежное присутствие, не покидавшее ее ни днем, ни ночью. Когда глаза ее привыкли к полумраку, она разглядела захлавленную жалкую обитель, крышу, низко нависающую над головой, и старика, сидевшего рядом с нею, в глазах которого светилось сострадание.

– Как ты себя чувствуешь, девочка? – негромко спросил он. – Рад, что ты очнулась. Я не был уверен, что ты выкарабкаешься. Меня зовут Дейв Уэллс. Пожалуй, это все, что тебе нужно знать сейчас. Вот, глотни капельку и отдохай.

Дни шли за днями, и он понемногу посвящал ее в ход произошедших событий, большинство из которых она никак не могла связать воедино, потому что в памяти у нее зияли провалы и она просто не знала, кто она такая и что с нею случилось.

– Я вытащил тебя из реки чуть больше недели назад. Это просто чудо, что ты осталась жива. У этих старых крокодилов-здоровяков есть привычка прикапывать свою добычу, перед тем как съесть ее, и, если бы я не выхватил тебя у него из кладовки, тебя бы здесь не было и рассказывать об этом мне было бы некому... У тебя сломана челюсть, поэтому не пытайся говорить. Молчи, и тогда все заживет. Эту истину я узнал на своей шкуре, когда работал на опаловых рудниках в Кубер-Педи, много лет назад... а теперь сделай глоточек ради старого Дейва, вот так...

Мало-помалу силы возвращались к ней, однако сознание и память все еще отказывались восстанавливаться. Как-то раз она нашла в себе достаточно сил, чтобы осмотреть себя, и обнаружила, что одета в мужские рубашку и штаны.

– Это – моя одежда, – пояснил Дейв. – От твоей остались одни лохмотья. Я сохранил их, чтобы ты могла вспомнить о том, кто ты такая.

Но вид перепачканных засохшей грязью и кровью обрывков ткани ничего не говорил ей.

– Ты не хотела бы немного пройтись?

Боль стала ее постоянной спутницей. Медленно, опираясь на сильную загорелую руку старого Дейва, она вновь училась ходить. По ночам, лежа в постели, она ощупывала кончиками

пальцев свои затянувшиеся раны – шрамы на лице, шее и горле, корочку подсохшей крови на боку, уродливые разрывы на плече и груди, жуткие рубцы на бедре. Дейв подбадривал ее как только мог.

– Ты выздоравливаешь, девочка, – уверял он ее. – У тебя крепкий организм. А у меня есть отвар для заживления ран, рецепт которого подсказал мне мой приятель-абориген. Он делает его из глины и цветов. Пованивает маленько, зато действует безотказно. Видишь, воспалений нет нигде.

Как-то раз Дейв появился у ее кровати весьма довольный собой и одарил ее лукавой улыбкой.

– Сегодня я еду в город, – сообщил он ей, – в это скопище трущоб, что дальше по дороге. Надо купить тебе какую-нибудь одежду. Мы уже скоро поставим тебя на ноги. Чем скорее ты выздоровеешь, тем быстрее сможешь связаться с семьей и друзьями. А теперь ни о чем не беспокойся. Я отлучусь на несколько часов. Вернусь до наступления темноты.

После того как Дейв ушел, она долго лежала на кровати, ломая голову над тем, что означали его слова. Семья? Друзья? Почему ей становится страшно от этих слов и единственным безопасным местом ей кажется эта жалкая хижина? Откуда она родом? Кто она вообще такая? «А ведь я даже не знаю, как выгляжу», – с глухим отчаянием думала она. В хижине Дейва не было ничего похожего на зеркало. «Кто я?» – молоточками стучало у нее в висках.

В конце концов, утомленная мрачными мыслями, она решила попробовать встать. Скоро вернется Дейв. Она наберет в чайник воды из бочки снаружи, как часто делал он, и вскипятит ее, чтобы вместе выпить горячего напитка после его возвращения. Еле-еле переставляя ноги, она взяла чайник и медленно пошла к двери. Замерев на пороге, она почувствовала, как ее израненная душа оживает при виде чудесного летнего дня. Солнце карабкалось по безоблачному небосклону, на деревьях перекликались птицы, и маленькое убежище Дейва представлялось ей раем на земле. Позволив первому робкому лучику надежды проникнуть в свое сердце, Стефани вышла из хижины и направилась к бочке с водой, стоявшей на углу под грубым водосток. Наклонившись, она окунула в нее чайник, чтобы наполнить его, и гладкая поверхность пошла рябью.

И тут, в этих сверкающих бликами кругах на воде, она вдруг увидела свое расплывчатое отражение. Из глубины на нее смотрело незнакомое изуродованное лицо, и в душе у нее зашевелился леденящий ужас. Неужели это она? Нет, она не может выглядеть *так*! Она заставила себя успокоиться, вцепившись в края бочки с такой силой, что костяшки пальцев у нее побелели, и стала ждать, пока вода успокоится. Нет, ошибки быть не могло. В неподвижной поверхности отражалось ее собственное лицо, изуродованное до безобразия. Острые зубы крокодила пробороздили одну сторону ее головы, в клочья разорвав плоть, которая теперь подживала крупными красными струпами. Злая ирония судьбы заключалась в том, что другая сторона лица ничуть не пострадала, так что один ее профиль выглядел как будто издевательской карикатурой на другой. На поврежденной стороне веко и уголок рта безжизненно поникли, словно в результате апоплексического удара. Перед нею дрожало лицо незнакомки, старухи, ведьмы...

– Н-е-е-ет! – Крик Стефани диким эхом прокатился по бушу. Птицы сорвались с веток и взмыли в воздух, встревоженно крича и хлопая крыльями, а мелкое зверье стремглав разбежалось по норам и укрытиям, настолько страшен был этот нечеловеческий вопль.

– Нет, нет, нет!

В ней восстало безумное отчаяние и накрыло ее с головой.

Спустя несколько часов, вернувшись домой, Дейв нашел ее тут же, у бочки с водой. Она сидела на корточках, обхватив голову руками, и бессвязно что-то бормотала. Мягко, но решительно он поднял ее на ноги и отвел обратно в хижину, где уложил на кровать, накрыл одеялом, а сам присел рядом.

– Вид у тебя неважный, девочка, знаю. Но с этим надо смириться, – начал он. – Все же взглянуть правде в глаза всегда лучше, чем тяготиться призрачной неизвестностью. Старый крокодил изрядно поработал над тобой. Но зато ты лишила его десерта. Ты осталась жива, хотя могла сейчас перевариваться в его брюхе. А это – уже кое-что. Ты выжила не просто так, а ради *чего-то*. Или ради кого-то. И теперь тебе предстоит выяснить, ради чего или кого именно.

Лицо Дейва смутно замаячило перед нею в пучине отчаяния, поглотившей ее. Ради чего-то? Кого-то? Она произнесла хриплым, каркающим голосом:

– Я даже не знаю, как меня зовут.

– Но у тебя – кольцо на пальце. Ты наверняка замужем. В городе полно полиции. Лесничие кого-то ищут. Как мне кажется, тебя.

– Ох, Дейв, мне страшно уходить отсюда. Я не знаю, куда пойти, не знаю, с чего начать.

Дейв помолчал, прежде чем ответить, а когда наконец заговорил, то в голосе его зазвучали печальные нотки:

– Не все сразу, девочка, не все сразу. Если хочешь, я дам тебе имя. Давным-давно, еще до того, как разочароваться в людях, я полюбил одну малышку из Маунт-Айзы. Она была дочерью владельца закусочной, и звали ее Тара. Дело в том, что ее мать видела в жизни одно-единственное кино, и оно называлось «Унесенные ветром». В общем, имя это пришлось мне по душе. Оно подходило ей. Словом... мы встречались, пока... в один ужасный день она не умчалась в Таунсвилл и не вышла там замуж за мясника! – Дейв хрипло рассмеялся, чтобы скрыть смущение. – Так что, если ты не возражаешь, я буду звать тебя Тарой!

Она благодарно улыбнулась и сжала его руку.

– И теперь мы должны начать действовать, Тара, – вернуть тебя в твой прошлый, реальный мир. Разумеется, здесь, со мной, ты была бы в безопасности до конца дней своих. Но ты пришла отсюда, – он энергично кивнул головой в сторону двери, – и именно там ты найдешь ответы на свои вопросы. Сегодня я совершил удачную вылазку – купил тебе кое-что из женской одежды вместо моих старых тряпок. – Он подошел к столу, на котором лежал узелок и, развернув его, извлек розовое платье, бюстгальтер, трусики, соломенную шляпу, шарф и даже туфли.

– О, Дейв! Где ты достал все это?

– Нашел, – ответил он и подмигнул ей, – на веревках в задних дворах и на стульях на крылечках. Понятное дело, с размером я мог и не угадать. Но ты хотя бы сможешь надеть это все, когда будешь в силах выйти в город сама.

Неделей позже она стояла рядом с Дейвом на обочине грунтовой дороги, поджидая автопоезд, единственный вид транспорта в этой глуши. После долгих споров и обсуждений они с Дейвом выработали план. Станный и необъяснимый страх не позволял ей напрямик отправиться в ближайший городок и обратиться за помощью к полиции или лесничим. Она знала лишь, что должна уехать. Далеко. Что будет потом, она не знала. Но каким будет ее первый шаг, она уже поняла, и потому решила действовать не спеша. Солнце, висевшее в зените прямо над головой, палило нещадно, посему она была рада широкополой соломенной шляпе, которую раздобыл для нее Дейв. Вкупе с ее густыми волосами, зачесанными вперед, шляпа вполне успешно помогала скрыть ее изуродованное лицо. Неловкими движениями она разгладила мешковато сидящее на ней розовое платье и слегка сжалась, ощущая прикосновение чужого нижнего белья.

– Вижу трейлер, – сказал Дейв. Его зоркий глаз различил на горизонте крошечное облачко красной пыли, свидетельствующее о приближении автопоезда. – Он подбросит тебя до Дарвина, а там ты уже сама разберешься, куда ехать дальше. – Он повернулся к ней, и на его обветренном лице заиграла слабая улыбка. Сунув руку за пазуху, он вытащил оттуда старую жестянку, похожую на коробочку из-под чая.

– Держи, – небрежно проговорил он, протягивая ей жестянку. – Подарок от меня на прощание. В этой коробочке хранятся мои старые мечты, которым больше нет применения. Загляни внутрь.

Она открыла жестянку. Внутри, на подкладке из грубой ваты, лежала горсть великолепных опалов. Самый маленький был размером с ноготь большого пальца, самый крупный – с кулачок младенца. Все они были первоклассными, чистейшей воды камнями.

– Взгляни на цвет, – с гордостью сказал Дейв, – словно огонь в ночи. Эти опалы помогут тебе начать жизнь сначала.

– О, Дейв... я не могу принять их.

– Разумеется, можешь. Что мне с ними делать? Да, когда я только нашел их, то решил, что они станут моей страховкой в старости, а потому продал остальные, а самые лучшие сохранил. Но теперь, – он удовлетворенно улыбнулся, – они мне больше не нужны, девочка. У меня есть все что нужно. Я уже никуда не уеду отсюда. А тебе они очень пригодятся.

Глаза у нее защищало от слез. Не в силах заговорить, она лишь кивнула в ответ.

– И вот еще что, Тара, – выручи за них хорошие деньги, когда отвезешь их в Дарвин. Не дай себя облапошить!

Автопоезд приближался, вздымая вокруг себя облака пыли. Дейв со старомодной галантностью снял свою потрепанную шляпу.

– Ну что ж, прощай, Тара. Сделай мне одно одолжение, ладно? Если случайно встретишь кого-нибудь, кто разыскивает меня, не говори ему, где я нахожусь, хорошо? И никого не приводи сюда с собой. Уходя – уходи. Не оглядываясь назад и не задерживаясь, чтобы выпить на посошок. Договорились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.